Источник вечной жизни

Автор:
Ирина Градова

Источник вечной жизни

Ирина Градова

Врачебные секретыСыщица в белом халате #10

Первый день на новой работе оказался для молодого ординатора Лили Перовой одним из самых тяжелых за всю ее профессиональную практику. Ну и порядки творятся в клинике. Коллеги друг друга недолюбливают, между ведущими врачами ведется злостная конкурентная война, и все пытаются подчинить себе новенькую. Именно здесь, в больнице, Лиля встретила хирурга Кая и не смогла устоять перед его экзотической внешностью и настоящим мужским обаянием. Но Кая обвиняют в убийстве другого доктора, Павла Дмитриева. У врачей были довольно натянутые отношения. Нет, Лиля не может оставить эту историю без своего участия, ведь она абсолютно уверена – симпатичный хирург ни в чем не виноват, его просто бездушно подставляют…

Книга также издавалась под названием "Химия преступной страсти"

Ирина Градова

Источник вечной жизни

Пролог

В помещении висело вязкое облако дыма, сквозь которое с трудом различались очертания стен и окружающих предметов. Пахло ладаном и миррой, как в церкви накануне религиозного праздника. Стол украшала роспись, изображающая поединок святого Георга и Змея. Трепещущее пламя свечей придавало картине зловещий вид: казалось, будто Змей извивается под ногами коня святого и вот-вот вырвется и нанесет ответный удар. Стены, завешанные коврами, сужали пространство и слегка колыхались от сквозняка.

Софья Гавриловна смущенно озиралась по сторонам, пытаясь сообразить, что следует делать – сразу пройти и сесть за стол в ожидании «колдуньи» или все-таки подождать. Женщина привыкла к тому, что гостей встречают у входа, однако, когда она поднялась на лифте, дверь оказалась открытой. Пока Софья Гавриловна раздумывала над своей дилеммой, ковры на стенах заколыхались сильнее, и в глубине комнаты на короткое мгновение распахнулась дверь, впуская яркий свет. Только в этот момент гостья осознала, что поразило ее в этом помещении больше всего: в нем отсутствовали окна! И как, интересно, хозяевам удалось заполучить разрешение на такую странную «перепланировку»?

– Тебя зовут Софья? – раздался глубокий, приятный голос, проникающий в самую глубину сознания.

Софью Гавриловну покоробил не столько тон, сколько то, что к ней обратились на «ты» и по имени. Тем не менее, будучи предупреждена насчет своеобразной манеры поведения колдуньи, она не стала возражать и слабо ответила «да». Существо, неожиданно выросшее прямо перед ней из дыма и пламени свечей казалось порождением подземного мира. Невысокое, длинноволосое, с головы до пят облаченное в черный балахон с блестками создание вызывало одновременно недоумение, отвращение и трепет. Спутанные черные патлы, мелко вьющиеся, подобно змеям, почти полностью скрывали лицо говорившей. На секунду Софья Гавриловна испытала непреодолимое желание убраться подальше из этого логова, но его хозяйка, будто почуяв это, как дикий зверь чует добычу, вдруг схватила ее за запястье и сжала так сильно, что женщине послышалось, как хрустнули кости.

– Тебя зовут Софья, – повторила колдунья глухим голосом, тонувшим в бесконечных, покрытых толстым слоем пыли коврах. – У тебя болен… сын. Зовут его… Петр. Жить ему осталось… полгода, не больше.

Софья Гавриловна буквально ощутила, как кровь в ее жилах застыла и покрылась коркой льда. Колдунья сказала правду. Более того, только она одна знала о том, сколько времени отпущено Пете, ведь Софья Гавриловна не смогла сказать об этом ни ему самому, ни мужу, который свято верил в возможности современной отечественной медицины! Перед тем как закончить каждую фразу, колдунья делала паузу. Создавалось впечатление, что она считывает информацию из какого-то ведомого только ей источника.

– У него было… три операции. Вижу… голову. Опухоль. Ремиссия… Больше трех лет. Потом – опять.

Рука колдуньи разжалась, и Софья Гавриловна судорожно глотнула ртом воздух.

– Ну и чего ты хочешь от меня?

Откинув волосы со лба, колдунья явила взгляду клиентки широкое круглое лицо с чуть раскосыми глазами – хотя, возможно, эффект «восточного разреза» достигался при помощи своеобразным способом подведенных век и темных теней вокруг глаз.

– Я… Как мне вас называть?

– Зови Марьяной, – пожала плечами колдунья, подбирая длинный балахон и усаживаясь на стул. – Ну, садись и ты, – пригласила она. – В ногах правды нет.

Софья Гавриловна испытала чувство благодарности за предложение, так как еще немного и ее ноги сами подкосились бы.

– Марьяна, я хочу спасти сына! – громким шепотом произнесла она, как будто кто-то мог подслушать. Муж уж точно не одобрил бы ее приход сюда – да что там, он бы поднял ее на смех, отчитал, как первоклассницу, назвал деревенщиной… Но Софье Гавриловне было все равно: если Петя выздоровеет, то ничто не будет иметь значения!

– Ты ездила по святым местам.

Женщина открыла рот, чтобы ответить, но поняла, что это не вопрос.

– Молилась мощам святого Пантелеймона…[1 - Святой Пантелеймон – великомученик, целитель. – Прим. авт.] В Москву ездила, за границу… на Родос?

Софья Гавриловна лишь судорожно закивала головой: откуда эта женщина могла знать так много? Конечно, кое-какие родственники и друзья в курсе того, что мать возила тяжело больного юношу в Грецию, но как об этом стало известно Марьяне?

– Не помогло все это – и не поможет! – изрекла между тем колдунья. – Потому что сын твой не в руках божьих, а в руках сатаны!

Произнося последнюю фразу, она сорвалась на крик и вся затряслась, словно бесноватая. Во второй раз за время нахождения в странной квартире Софья Гавриловна едва поборола в себе желание убежать. И вновь, как будто почувствовав ее состояние, Марьяна протянула руку и схватила клиентку за локоть.

– Жить будет твой Петр! – прошипела она, закатив глаза, так что видны оставались лишь белки. – Долго проживет, внуков увидит и правнуков… Фотку давай!

– Ч-что? – дрожащими губами пролепетала клиентка.

– Тебе что, не сказали? Снимок нужен.

– Петина фотография? Конечно, я принесла… Вот!

Марьяна некоторое время вглядывалась в лицо молодого человека, покачивая головой.

– Нет, нет, – пробормотала она. – Ошибся доктор, ошибся: не полгода ему осталось, а месяца три, не больше… Трудно будет, но выживет твой Петр. Ты правильно ко мне пришла, я помогу. Два условия у меня есть. Выполнишь – все сбудется, хоть одно нарушишь…

– Все выполню, все! – воскликнула Софья Гавриловна. Рука колдуньи сжимала ее локоть, но женщине чудилось, что невидимые пальцы держат ее за горло.

– Первое условие – приходить станешь каждое воскресенье, не пропуская ни одного. Я дам тебе целебные отвары и амулеты, чтобы прогнать злых духов, которые наслали болезнь на твоего Петра. Второе условие – никому не рассказывай о том, что ко мне ходишь.

Сказав это, колдунья привстала и приблизила свое лицо почти вплотную к лицу напуганной клиентки.

– Запомни: если хоть слово скажешь кому о нашей встрече и о том, о чем мы говорили, через месяц умрешь! Если не согласна – прямо сейчас уходи.

Софья Гавриловна, как загипнотизированная, начала было подниматься, но, поймав блестящий, пронзительный взгляд Марьяны, застыла на пару секунд, а потом медленно опустилась обратно.

– Ну вот и хорошо, – на удивление мягко произнесла колдунья с удовлетворением. – А теперь, начнем!

* * *

Лиля опаздывала – этого еще не хватало в первый же рабочий день! Бабушка оборвала телефоны всех бывших коллег и друзей, чтобы устроить внучке это место, и запятнать себя опозданием сразу по прибытии стало бы очень большим минусом для будущей карьеры. Лиля мечтала о работе в новом онкологическом центре, прямо-таки бредила им с тех самых пор, как узнала о том, что в Питере строится клиника европейского образца, укомплектованная всей возможной в данной области диагностической аппаратурой и операционными, оборудованными по последнему слову техники. На зарплату, конечно, это никак не повлияет, однако одно дело – каждый божий день приходить в обшарпанное, унылое здание, и совсем другое – в потрясающий комплекс из стекла и бетона, в стенах которого атмосфера обреченности, свойственная этому роду заболеваний, скрашивается хотя бы красивой внешней оболочкой. Онкологический центр, что знаменательно, практически целиком построили на деньги спонсоров – беспрецедентная акция. Оборудование закупили городские власти. Для многомиллионного города это – капля в море, ведь ему требуется гораздо больше, чем один новый центр онкологии, а сколько больниц другого профиля – считать устанешь, но, как говорится, лучше иметь хоть что-то хорошее, чем вообще ничего! Прежде чем возможность трудоустройства сюда

стала реальностью, Лиля несколько раз приходила на маленькую площадь перед Центром, пытаясь представить себе, каково это – здесь работать. Теперь ей предстояло проверить, действительно ли все так здорово, как казалось снаружи, и Лиля прибавила шаг, умоляя стрелки часов не торопиться.

Когда она вбежала в вестибюль, электронные часы над главным входом показывали без трех минут восемь. Тратить время на переодевание не пришлось, так как на дворе июнь, и, хоть погода в последнюю неделю не радовала, обильно поливая питерскую землю дождями, на Лиле были только джинсы и футболка. Первое, что бросалось в глаза внутри Центра – невероятное количество белого цвета. Плиточный пол, потолок, предметы интерьера – все ослепительно-белое. Исключение составляли лишь стены – желтые, розовые и голубые, что приятно контрастировало с обстановкой стерильности вокруг.

– Опаздываете, девушка!

Именно этими словами встретил ее пожилой мужчина в мятом халате и больших очках с дымчатыми стеклами. Он был лыс, как коленка, кругл, словно имбирный пряник, и, судя по всему, несмотря на строгие слова, добродушно настроен.

– Значит, ты и есть та самая Лиля, внучка Екатерины Матвеевны?

– А вы – Никодим Иванович, да? Ой, простите за опоздание, но трамвайная линия перекопана…

– Да-да, мне следовало предупредить тебя о том, что добираться нужно на маршрутках – такое вот неудобство! Ну, в этом есть и свои плюсы: когда движение вновь откроется, рельсы простоят достаточно долго, потому что их, как и положено, ремонтируют летом, а не зимой, когда земля мерзлая. Ну-с, готова приступить к работе?

– Готова, Никодим Иванович!

– Ну вот и отлично… Эй, Леша! – обратился он к молодому человеку с встрепанной светлой шевелюрой и в очках. Тот поднял глаза от компьютера, за которым сидел, не замечая ничего вокруг. – Проводишь девушку на экскурсию?

По лицу Леши было очевидно, что задание ему не по душе – без сомнения, у него имелись и более важные дела, однако спорить с заведующим отделением опухолей мозга и нервной системы парень не стал. Никодим Иванович Тимофеев являлся своего рода легендой в кругах специалистов по онкологии. Он был одним из первых онкологов-нейрохирургов в городе, и его пациентами частенько становились известные люди, их друзья и родственники. Специалистов в этой узкой области медицины можно пересчитать по пальцам, а уж тех, кто успешно лечит соответствующие заболевания, учитывая их тяжесть, и того меньше. Тимофеев относился именно к таким специалистам, хотя и перестал оперировать несколько лет назад, сочтя, что возраст не позволяет ему продолжать пользовать пациентов в качестве хирурга. Теперь он занимался исключительно терапией и, кроме того, курировал молодых интернов, приходящих на работу в Центр.

– Ну пошли, что ли? – неохотно предложил Леша, чуть ли не со стоном поднимаясь со стула.

Несмотря на ношение белого халата и нахождение в ординаторской, Алексей Родников оказался не медиком, а физиком. Он пояснил, что входит в группу специалистов, работающих над улучшением методов радиоактивного лечения.

– Понимаешь, – увлеченно, но немного нудно рассказывал он, ведя ее по длинному коридору, – особенный метод программирования EGS4 в сочетании с использованием математической модели позволяет достигать эффективности и безопасности довольно высокого уровня…

– И давно ты здесь? – полюбопытствовала Лиля.

– Здесь – всего полгода, ведь Центр совсем недавно сдали! – ответил он, пожимая плечами. – А вообще в медицине – пятый год. Ну и кто у тебя?

– В смысле? – не поняла Лиля.

– Сюда никто не приходит просто так, как в гастроэнтерологию, к примеру, или травматологию, как правило, в онкологии работают те, кто потерял близких вследствие рака. Так кто у тебя?

Лиля внутренне напряглась. Она не была готова к личным вопросам, ведь Тимофеев знал о ее ситуации, и больше никого, казалось бы, она интересовать не должна. С другой стороны, девушка понимала, что для установления дружественных отношений с «местным населением» не стоит начинать с отказа удовлетворить понятное любопытство в отношении новичка.

– Мама, – сглотнув, сказала она, не глядя в глаза Алексею: эта тема все еще была болезненной и, как подозревала Лиля, останется такой навсегда.

– Сочувствую. Давно?

– Шесть лет…

Они замолчали в попытке сгладить неловкую паузу.

– А у тебя? – задала вопрос Лиля, решив, что теперь тоже имеет право на откровенность собеседника.

– Нет, со мной все иначе! – отозвался парень. – Мой дядя, знаешь ли, главный онколог города – во как! Все равно тебе растреплют, так что лучше узнай лично от меня.

– И ты не стал врачом? – удивилась девушка.

– Знала бы ты, через что пришлось пройти! – рассмеялся Леша, и от его былой угрюмости не осталось и следа. – Предки-то мои тоже медики, так что можешь себе представить! Но у меня, первого в роду, не лежит к этому душа. Зато я обожаю физику и всякую технику, так что мы пришли к своего рода компромиссу… Значит, ты со Стариком на короткой ноге?

– Со ста… А, нет, это моя бабушка – они с Никодимом Ивановичем старые знакомые.

– Поня-а-атно, – протянул Леша. – А то ведь сюда кого попало не берут – место блатное, хотя, честно говоря, не понимаю, что тут такого хорошего!

– Ну, помещение классное, например! – заметила Лиля, с восхищением глядя по сторонам. – Все такое…

– Пластиковое? – с усмешкой подсказал новый знакомый.

– Да нет же – красивое, чистенькое, блестящее!

– Это да, – вздохнул Леша. – Только вот наши пациенты не имеют возможности всем этим наслаждаться – не до того им. Да и все остальное оставляет желать лучшего: медикаменты поставляют в недостаточном количестве, да и те приходится добывать с боем, как во время войны. Аппараты закупили вроде бы новейшего образца, да вот только работать на них наши врачи либо не умеют, либо не хотят…

– Как это – не хотят?

– Боятся.

– Чего боятся-то?

– Ну, радиации там, излучения – короче, стараются лишний раз не подходить. Особенно один агрегат – его уже четыре месяца как привезли, а он все стоит, нераспакованный, в подвале.

– Нераспакованный? В подвале?! Так он же там испортиться может!

– Может, уже и испортился… В Питере всего один такой есть, но его, похоже, серьезно вознамерились сгноить!

– Погоди, а куда начальство смотрит?

– Только вперед! – криво усмехнулся Леша. – Ладно, давай начнем экскурсию, что ли?

В течение последующих сорока минут они обошли отделения лучевой и радиотерапии, отделения рака молочной железы, легких, саркомы и опухолей скелета и онкогинекологию. Лиля смотрела во все глаза и задавала кучу

вопросов.

– Знаешь, – с изумлением сказал Леша примерно в середине «тура», – впервые встречаю такого внимательного слушателя!

– Неужели?

– Точно-точно. Создается впечатление, что ты хочешь тут задержаться!

– Очень хочу, – серьезно ответила Лиля.

– Тогда тебе придется несладко! – рассмеялся он.

– Почему? – встревожилась девушка.

– Да коллективчик у нас не из простых – сама увидишь. Но теперь у тебя есть союзник! – И парень слегка подмигнул ей. – Нас, физиков, тут боятся, ведь без нас вся работа встанет. Если обидят – милости просим к нам, пасть порвем бандитам… и все такое! Так, на опухоли мочеполовых путей не пойдем, если не возражаешь: времени в обрез, а дел еще – конь не валялся. Зато ты можешь посмотреть на то, как проходит операция по удалению глиобластомы – прямо сейчас в… десятой операционной, есть желание?

– Конечно, есть! – с энтузиазмом воскликнула Лиля. – А как туда попасть?

* * *

До обеденного перерыва Лиля успела посмотреть операцию и познакомиться с одной из медсестер своего отделения. Высокая, нескладная, некрасивая, но веселая и смешливая Оксана Рыбина ей сразу понравилась. Девушка работала здесь уже восемь месяцев – настоящий старожил по местным меркам. В перерыве Оксана потянула новую подругу на улицу покурить, говоря, что раз уж солнце соизволило-таки выглянуть, то просто грех проводить время в помещении. На крыльце, облокотившись о чугунную оградку, курили двое молодых ребят в белых халатах. При виде девушек один из них, белобрысый и курносый, тихонько присвистнул:

– О, кажись, нашего полку прибыло! Привет, Рыба, кто это с тобой?

– Привет, Кузя. Знакомьтесь – Лилька, моя подруга, – дружелюбно представила ее Оксана.

– Еще одна сестренка?

– Да нет, ординаторша.

– Ах ты боже мой! – ухмыльнулся второй парень, темноволосый, длинный, как рельса, и почти такой же худой. На носу у него были очки в тяжелой оправе. Наверное, именно из-за этой оправы они с трудом удерживались на остром покатом носу и то и дело сползали, заставляя паренька поправлять их неловким движением тонких, нервных пальцев. – Значит, мы из «верхнего» эшелона?

– То есть? – не поняла Лиля.

– Ну, у нас тут, знаешь ли, строгая иерархия. На нижней ступеньке «пищевой цепочки» находятся нянечки, самый малоуважаемый и низкооплачиваемый персонал. Затем идут практиканты, медсестры и медбратья. За ними следуют операционные медсестры и медбратья, потом – ординаторы. Врачи замыкают цепочку и открывают собственную, в которой выше всех стоят хирурги узкого профиля.

– Да ладно тебе, Боб! – отмахнулась Оксана.

Видя, что она вытащила из пачки сигарету, парень щелкнул зажигалкой. Медсестра с наслаждением затянулась.

– А ты чего? – поинтересовался Кузя у Лили.

– Да я не курю! – ответила она. – Так просто, за компанию…

– Ну-ну, – глубокомысленно буркнул он и выпустил дым из широких ноздрей. Они так забавно подрагивали, что он здорово походил на кролика-альбиноса, со своими пухлыми щеками и маленькими глазками, опушенными густыми, но абсолютно бесцветными ресницами.

– Скоро она с нами болтать будет брезговать, – продолжил тему Боб. – На крышу станет забираться, так что, ловите, как говорится, момент!

– А что на крыше? – полюбопытствовала Лиля.

– Да там врачи гнездо свили, – с завистью пояснил парень. – У них, знаешь, все с комфортом – кресла, цветочки…

– И крыша стеклянная, вот! – подхватил Кузя.

– А вы почему на крышу не ходите, раз все так здорово?

– Да потому, что нас туда никто не пустит! Да и тебя – еще большой вопрос…

– Она знакома с Никодимом! – предупредила Оксана.

– А-а… Ну тогда мы точно ее больше здесь не увидим!

Парни потеряли к Лиле интерес. Она заскучала и от нечего делать принялась поглядывать по сторонам. Даже если бы девушка этого и не делала, все равно неожиданное и шумное появление потрясающе красивой приземистой иномарки темно-синего цвета не могло остаться незамеченным. Лиля плохо разбиралась в автомобилях – точнее, вообще не разбиралась, однако то, что машина дорогая и «понтовая», не подлежало сомнению – один откидной верх чего стоил! Приглядевшись, Лиля заметила на бампере авто знакомый треугольный значок. Он, за исключением очевидных надписей, которые можно иногда прочесть, был единственным из всех, который она выучила за двадцать четыре года существования на этом свете, – «Мерседес».

– О, белая кость, голубая кровь! – пробурчал Кузя, жуя кончик сигареты, словно пытаясь выдавить из нее сок.

– Да ладно тебе, Кузя! – вновь отмахнулась Оксана, одновременно выкидывая сигарету и поправляя прическу. – Он классный!

– Он? Классный?!

– Ну конечно, ты ни за что этого не признаешь, – резонно заметила медсестра. – Потому что ты – мужчина, а я вот, к примеру, очень даже… Добрый день!

Прервав фразу на середине, Оксана мило улыбнулась высокому, стройному мужчине, вышедшему из красивой машины. Лиля лишь успела заметить смуглую, слегка с желтизной кожу, черные волосы, прямые и доходящие почти до плеч, и странно узкий разрез глаз.

– Привет! – бросил он отрывисто, даже не посмотрев в ее сторону, и буквально вбежал в вестибюль.

– Видела? – победно улыбаясь, спросил Кузя, подчеркивая, что вновь прибывший проигнорировал попытку Оксаны привлечь его внимание.

– Кто… это был? – медленно проговорила Лиля, не отрывая взгляда от двери, за которой только что скрылся незнакомец.

– Кан Кай Хо, – с благоговением произнесла Оксана, нисколько не обидевшись на прохладное приветствие.

– Какой «хо»? – недоуменно переспросила Лиля.

– Да имя у него такое – кореец он, понимаешь? – ответил за медсестру Боб.

– А что надо корейцу в нашей больнице?

– Ой, Лиль, что-то ты тупишь! – вздохнул Кузя, словно объясняя урок нерадивой ученице в первом классе сельской школы. – Он – кореец, но наш кореец, русский, ясно? А имя… Выпендривается он, вот что я скажу: все, понимаешь, Кимы как Кимы, Цои как Цои, а этот…

– Ты не прав! – снова вступилась Оксана. – У корейцев просто так принято – сначала пишут фамилию, потом имя, а потом… В общем, не знаю, что означает это «Хо» – может, отчество ихнее, но он же не виноват, что его так назвали!

– Нет, дорогуша! – покачал головой Кузя, авторитетно поднимая указательный палец кверху. – Живешь в России – будь добр придерживаться местных правил, а

не нравится, можешь валить в Пекин…

– В Сеул, – машинально поправила Лиля. – Или Пхеньян.

– Чего-чего?

– Ну, Сеул – столица Южной Кореи, а Пхеньян – Северной…

– Так их че, две, что ли? – удивился Боб.

– А Пекин, между прочим, в Китае! – сказала Оксана, презрительно поджав губы.

– Умная ты больно, Рыба! – фыркнул Кузя, уличенный в географической безграмотности. – И что такая куча мозгов делает здесь, среди простых смертных?

– Да пошел ты! – рявкнула девушка и, взяв под руку Лилю, сказала, обращаясь к ней: – Пошли в буфет, а то всю пиццу съедят!

В буфете и в самом деле оказалось многолюдно, но Оксана мгновенно обозрела пространство и поволокла новую подругу мимо занятых столиков в дальний угол, еще никем не оккупированный. После того как медсестра принесла на подносе пиццу и две чашки отвратительнейшего кофе с молоком, девушки продолжили беседу.

– Ты не обращай внимания на Кузю – он ненавидит всех врачей без исключения, – сказала Оксана.

– Чего так?

– Он уже четыре раза пытался в Мед поступить, но все время валится на химии. Я так скажу – рожденный ползать летать не может!

– Может, ему репетитора взять? – предложила Лиля. – Я знаю одного, сама перед поступлением…

– Ой, Лилька, не понимаешь ты ничего! Не будь Кузя такой записной сволочью, давно б его уже «поступили» – вот, Никодим тот же. Знаешь, сколько он больниц сменил? Кузю все терпеть не могут, но он хорошо делает свою работу, этого у него не отнимешь. А вот пациенты – те просто воем воют!

– А что… Никодим?

– Да он говорит, как положено: «Разберемся, накажем…» Да только вот как он наказывать-то Кузю станет, ведь на его место вряд ли найдется такой же знающий свое дело медбрат, который еще и лежачих таскать может – не баба ведь? Так что привыкнуть тебе к Кузе придется, как все мы привыкли.

– А он что, еще и националист?

– Почему – националист?

– Ну, корейцев не любит?

– Не корейцев, а Кая! – рассмеялась Оксана. – Завидует он ему, понимаешь? Да и как не завидовать, ведь Кай – онколог-нейрохирург. Специализация, сама понимаешь, узкая, потому он и нарасхват – еще в двух клиниках, кроме нашей, работает.

– Разве в Питере есть частные онкологические клиники?

– Частные?

– Ну, машина навороченная такая…

– А-а… Так машину Кай не покупал, ее ему один наш пациент подарил, а до того он на «девятке» ездил.

– Пациент подарил?!

– Ага, представляешь? То ли грузин, то ли армянин – не разбираюсь я. Короче, его сын у нас лежал, и Кай его буквально с того света вытащил. Вот папаша в благодарность и одарил его крутым «мерином». А так он нормальный мужик,

хоть и думает о себе… Но он, знаешь ли, имеет право, а вот Кузя – тот зря нос задирает!

После обеда Никодим Иванович передал Лиле две истории болезни и предложил изучить на досуге.

– Теперь эти двое – твои, – сказал он. – Сходи к ним, поболтай – пусть они с тобой познакомятся. Вот эта, – он ткнул пальцем в первую, – наша постоянная пациентка, перевелась с Березовой три месяца назад. Вторая – новенькая, но у нее есть все шансы, так что, доктор Лиля, действуй!

Первый день оказался полон событиями, и Лиля уже стала думать, что он никогда не закончится. Перед глазами мелькали незнакомые лица, и далеко не все из них излучали дружелюбие – Лиля начала понимать, что имел в виду язвительный Кузя, говоря о возможных проблемах с коллегами. Создавалось впечатление, что Лилю пристально изучают, пытаясь определить, что она за зверь. Конечно, ординатор вряд ли может считаться полноценным специалистом и, возможно, не задержится надолго, но новое лицо неизбежно становится объектом внимания в любом коллективе. Для Лили этот коллектив не первый, ведь до этого она проходила практику в двух разных многопрофильных больницах, а в последний раз – на Песочной, после которой у нее осталось самое тяжелое впечатление и леденящие кровь воспоминания. Рано или поздно все равно пришлось бы вливаться в более или менее сплоченное сообщество сотрудников, поэтому Лиля твердо решила, что ничто – даже Кузя с его желчными репликами – не заставит ее разочароваться в выбранном пути. Она здесь, в самом лучшем Центре онкологии, «рассаднике» передовых технологий, и нужно извлечь из пребывания здесь столько пользы, сколько позволят обстоятельства!

Когда заглянула Оксана и, выкатив глаза, покачала головой и указала на часы, висевшие над столом Никодима, Лиля поняла, что засиделась – даже для первого дня! Быстренько собрав сумочку, она выскочила в коридор и там едва не налетела на Кана Кая Хо – девушка прекрасно запомнила необычное имя.

– Очки надень! – сквозь зубы посоветовал мужчина, одарив ее злобным взглядом. У него имелись все причины для негодования: из-за столкновения с Лилей он выронил папки с бумагами, которые нес в руках, и листы разлетелись по полу.

– Ой, простите, ради бога! – пробормотала Лиля и, опустившись на колени, принялась собирать бумажки. Врач стоял, не шелохнувшись, не делая ни малейшей попытки ей помочь, очевидно, полагая, что она просто обязана загладить свою вину, ползая по полу. Наконец, мучительная процедура была закончена, и Лиля, отдуваясь, поднялась на ноги и протянула Кану Каю Хо пачку листков.

– Еще раз извините, – сказала она, пытаясь прочесть на непроницаемом лице хоть какое-то выражение. Зря старалась. Не поблагодарив, не произнеся ни слова, Кан Кай Хо сложил стопку в папку и зашагал дальше по коридору. «Дурак!» – подумала Лиля без злости и направилась к лестнице – отделение находилось на втором этаже, поэтому ждать лифта смысла не имело. «Все-таки Кузя был прав!»

* * *

– «Топится, топится в огороде баня, женится, женится мой миленок Ваня!»

Звуки песни донеслись до нее еще до того, как Лиля открыла дверь. Замок заело, как всегда, и ей пришлось слушать завывания Нюры еще по меньшей мере минуты три. Нюра была соседкой – одной из семи, проживающих в коммуналке, где самая большая комната принадлежала Лиле и ее бабушке. Ежедневно к Нюре приходили небритые, татуированные типы и приносили с собой водку и закуску – водки всегда хватало, а вот с закуской частенько возникали проблемы, и тогда веселая компания начинала ломиться к соседям с просьбами «одолжить чего-нибудь пожевать». Чтобы отбиться, приходилось кинуть за дверь, словно в печную топку, буханку хлеба или пару огурцов – тогда Нюркины приятели ретировались и на некоторое время воцарялась благословенная тишина. Слава богу, комната Лили и бабушки располагалась в самом начале коридора, поэтому она прямо с порога нырнула в свою дверь. Дальше по коридору располагались апартаменты большой армянской семьи, состоящей из мужа с женой и четверых детей. Им принадлежали целых две комнаты, поэтому Нюрка и ее друзья называли их буржуями. Глава семейства, Вартан Акопян, держал три ларька на Сенном рынке и имел «большие связи». Хозяйка, пятой комнаты, пожилая еврейка, умерла много лет назад. Сын, проживающий в Израиле, появился всего один раз, на следующий день после похорон, и с тех самых пор комната стояла запертой. Вартан ворчал, что жилплощадь пропадает, но поделать ничего не мог: сын соседки не оставил

никаких координат, и связаться с ним возможности не представлялось. Лиля знала, что Акопян лелеет мечту о расселении их коммуналки, но для этого ему необходимо было найти подходящее жилье для всех соседей, а это дело непростое. Старый дом дореволюционной постройки на улице Восстания, в самом сердце Санкт-Петербурга, с видом на Московский вокзал, считался памятником старины, и квадратные метры в нем, несмотря на прогнившие полы, шатающиеся рамы и старую электропроводку, стоили баснословных денег. С одной стороны, Лиля спрашивала себя, каково это – иметь собственную квартиру, без надоедливых и шумных соседей, когда не нужно следовать расписанию в туалет и ванную и нет необходимости прятать продукты. С другой – у нее никогда не было возможности оценить преимущества отдельной жилплощади, ведь, почти сколько себя помнила, Лиля проживала здесь, с бабушкой и мамой, пока та была жива. Девушка знала, что у бабули есть еще старший сын, но она почему-то не любила говорить о нем. Из разговоров мамы и бабушки ей стали известны некоторые детали давней истории, в результате которой, как она поняла, и возник разлад в семье. Дядя не присутствовал на похоронах мамы, и Лиля никогда его не видела, полагая, что он живет где-то в другом городе. Нехорошо забывать о своих родственниках, где бы ты ни находился, – этот постулат Лиля усвоила, когда заболела мама. Она рано испытала чувство потери, и с тех самых пор ее главной заботой стало здоровье бабули, последнего оплота семьи. К счастью, баба Катя была еще не старой женщиной без хронических заболеваний. Потомственный медик, она ушла на пенсию, только когда тяжело заболела дочь, и полностью посвятила себя выхаживанию больной.

Бабушка, вопреки обыкновению, не смотрела телевизор (ее любимые сериалы начинались в пять часов и шли до десяти вечера), а сидела за массивным антикварным столом, доставшимся ей по наследству. Лак на столешнице облупился, краска растрескалась, но оленьи головы, украшающие ножки, сохранились почти идеально. Этот стол вкупе со старинным немецким сервизом являлся Лилиным «приданым». Сама Лиля посмеивалась над словами бабушки: ну кому, скажите на милость, в наше время нужно приданое?

– Чем занимаешься, ба? – поинтересовалась Лиля, пытаясь перекричать непрекращающийся аккомпанемент, доносящийся из комнаты Нюры: предыдущая песня закончилась, и ее сменил «Шумел камыш».

– Да вот, Лилечка, пытаюсь упорядочить архив твоего прадедушки, – оторвавшись от груды бумаг, ответила Екатерина Матвеевна Перова, когда-то

ведущий хирург-гинеколог Центральной женской консультации, а ныне заслуженная пенсионерка. После смерти матери Лиля начала побаиваться, что баба Катя, не найдя достойного занятия, способного заменить ударный труд, станет чахнуть на пенсии. Слава богу, есть спасительные сериалы, позволяющие бабушке оторваться от тусклой действительности, соседки, а теперь вот еще и прадедушкины записи!

– Не понимаю, ба, зачем тебе все это нужно? – пожала плечами девушка.

– Как ты можешь так говорить! – возмутилась Екатерина Матвеевна. – Это же твой прадед!

– Я очень уважаю прадедушку, ба, но зачем ты портишь зрение? У него отвратительный почерк, и…

– Вот именно поэтому я и пытаюсь расшифровать его записи! Я тебе не говорила, что недавно встретилась с сыном тети Любы?

Тетя Люба жила в соседнем подъезде и являлась одной из ближайших приятельниц бабы Кати. Иногда они вместе посещали мероприятия, организуемые местными депутатами с целью обеспечить себе голоса избирателей. Женщины ходили на бесплатные утренние сеансы в кино, получали билеты в некоторые театры на не слишком котирующиеся спектакли и на концерты звезд третьей и четвертой величины. Лиля понимала, насколько безысходной стала бы жизнь пенсионерки без этих маленьких радостей, а потому всячески приветствовала ее общение с тетей Любой, которую, правда, недолюбливала за неистребимую тягу к всякого рода сплетням. Вот, к примеру, недавно она «принесла на хвосте», что какой-то богатей желает выкупить два этажа в их доме и устроить здесь мини-отель. Однако сама она ничего не слышала о неизвестном толстосуме, а потому полагала, что тетя Люба, как всегда, ставит телегу впереди лошади и просто занимается любимым делом – распространяет слухи.

– И что говорит тетя Люба на этот раз? – без особого энтузиазма поинтересовалась Лиля.

– У нее, оказывается, племянник – какая-то шишка в крупном издательстве, представляешь? Так вот, услышав от нее, что твой прадед был известным

хирургом, работавшим с самим Пироговым, он предложил издать мемуары!

– Ме…муары? – переспросила Лиля. – Но, ба, нет же никаких мемуаров! Есть только дневники, какие-то истории болезней и так далее…

– Вот это самое «и так далее» как раз и нужно довести до ума, чтобы оно стало похоже на настоящие «записки врача», дорогая! – прервала девушку бабушка. – Ты понимаешь, какую ценность может представлять этот труд для будущих поколений врачей?

Лиля сильно сомневалась в том, что писанина прадеда может быть кому-то интересна: со времен его бурной и, без сомнения, интересной молодости прошла куча времени. Изменилось все – техника медицины ушла далеко вперед, появились современные лекарственные препараты, о которых прадед мог лишь мечтать, излечимыми стали болезни, которые в его бытность не поддавались даже диагностике! И что нового мог он сказать живущему поколению врачей? Однако Лиля не стала спорить с бабой Катей: в конце концов, то, что она нашла себе новое занятие, только к лучшему.

– Ой, прости, совсем забыла, что сегодня – твой первый рабочий день! – внезапно всплеснула руками Екатерина Матвеевна, поднимаясь. – Ну и как все прошло?

Лиля не уставала удивляться тому, как мало унаследовала от «породы» Перовых. Ее бабушка и мама были женщинами рослыми, статными, красивыми, а она… Порой, глядя в зеркало, Лиля спрашивала себя: почему ее внешность настолько неприметна, почему она не так привлекательна, как все ее родственники по женской линии? Маленькая, едва дотягивавшая до ста пятидесяти пяти сантиметров и, как на зло, ненавидящая каблуки, Лиля до сих пор выглядела как подросток. Честно оценив собственные шансы еще в семнадцать лет, единственными своими достоинствами Лиля считала волосы и зубы. Она являлась натуральной блондинкой и, хотя всю жизнь носила толстую косу, на третьем курсе отрезала ее, сочтя, что для будущей профессии так гораздо удобнее. Теперь густые кудри нельзя было завязать в спасительный хвост, и они постоянно падали на глаза непослушными прядями, которые приходилось постоянно отбрасывать рукой или прятать под медицинский колпак. Лиля всегда хотела иметь голубые глаза, как у матери, но ее собственные были какого-то неопределенного цвета, ни карими, ни зелеными – «болотными», как описывала их баба Катя. Ну конечно, просто красотища – девушка с глазами цвета болота! Кожа, слишком белая, да к тому же усыпанная

веснушками на носу, также, по мнению Лили, не могла являться предметом гордости.

– Все в порядке, девочка? – снова спросила бабушка, слишком долго не получая ответа на свой безобидный вопрос.

– А? Да, все отлично, ба, – оторвавшись от размышлений, сказала Лиля.

– Как тебя встретили? Как там Никодим Иванович?

– Никодим Иванович встретил меня хорошо. Представляешь, он в первый же день дал мне двух своих пациенток!

– А остальные?

– Что – остальные? – сделала вид, что не понимает, Лиля: ей не хотелось рассказывать о Кузе, Бобе и меньше всего о Кане Кае Хо. – Да я еще толком ни с кем не успела познакомиться, ба! А что у нас на обед?

* * *

Лиля вовсе не мечтала оказаться на отделении рака мозга – просто только там оказалось свободное место, да и Никодим, приятель бабы Кати, заведовал именно этим отделением. Лиле больше импонировало лечение рака молочной железы. Мать умерла именно от этой болезни, но девушка знала, что наука не стоит на месте, и уже за то время, что мамы не было на свете, появились новые медикаменты, способные не просто облегчить жизнь пациенток, но и избавить их от страшного недуга. Но рак мозга – совершенно другое дело. В настоящее время специальных методов скрининга ранней диагностики опухолей головного и спинного мозга не существует, поэтому народ сюда поступает довольно «запущенный», то есть процент «выживаемости» пациентов невелик. Самые положительные прогнозы у тех, кому повезло раньше обычного выявить наличие опухоли. Раньше обычного – значит, до того, как появятся основные симптомы вроде онемения и слабости нижних конечностей, головных болей, двоения предметов и так далее. Конечно, если бы информированность населения была получше, фактор риска значительно снизился бы. К несчастью, даже до уровня среднестатистического западного пациента российскому еще расти и расти, в

особенности учитывая тот факт, что недоверие к медикам в обществе в последнее время лишь увеличивается в геометрической прогрессии, не поспевая разве что за ростом цен на медицинские услуги.

Одна из новых пациенток Лили, Елена Проскурякова, перевелась из другой клиники, так как доктор Тимофеев являлся ее лечащим врачом. Второй, Ольге Шейкиной, было всего девятнадцать, и она до сих пор не могла в полной мере осознать, что происходит, находясь в состоянии перманентного ужаса в отличие от Елены, «бывалой» пациентки, привыкшей к получению плохих новостей. Как выяснилось из истории болезни, у Оли была менингиома, то есть доброкачественная опухоль, которую следовало удалить хирургическим путем. В этом случае существовала реальная возможность полного выздоровления, хотя в такой ситуации ни один врач гарантий дать бы не смог. Лиля и сама понимала, что состоит в группе риска в виду того, что мама умерла от рака молочной железы. Маммография стала частью ее ежегодного профосмотра – в любом случае лучше получить диагноз на ранней стадии, чем когда уже поздно что-либо предпринимать!

Палата, в которой лежали Ольга и Елена, была рассчитана на трех пациентов, но одна койка оказалась свободной – только сегодня третьей женщине сделали операцию по иссечению опухоли, и ее перевели в послеоперационную. Когда Лиля вошла, Елена деловито раскладывала пасьянс на прикроватном столике, тщетно пытаясь вовлечь в разговор Ольгу, которая лежала, свернувшись калачиком лицом к стене с видом полной отрешенности. Различают несколько степеней «привыкания» к тяжелому диагнозу. Сначала – стадия отрицания, когда пациент отказывается верить в то, что именно он стал жертвой страшной болезни; затем следует стадия осознания и, как следствие, гнева и обиды на бога, общество, жизнь и так далее, ведь он, человек, вроде бы не делал ничего настолько плохого, за что полагается столь суровое наказание! Потом больной переваривает тяжелые известия, успокаивается, и тогда можно ожидать двух вариантов развития событий. В первом случае он сдается, замыкается на собственном несчастье и тихо умирает, потому что система здравоохранения не станет бегать за пациентом (предполагается, что это ему следует заниматься марафоном наперегонки со смертью). Во втором же пациент собирает силы в кулак и начинает бороться за жизнь. Лиля знала, насколько опасен первый вариант, поэтому ей совершенно не понравилось состояние молодой пациентки.

– Здравствуйте! – громко сказала она, намереваясь привлечь к себе внимание. Елена с интересом воззрилась на молодую ординаторшу, тогда как Ольга даже

не пошевелилась.

– Добрый день, – жизнерадостно улыбнулась Елена, и к горлу Лили неожиданно подкатил комок: она знала, что этой женщине полгода назад удалили аденому гипофиза, и она изо всех сил цепляется за жизнь, с радостью соглашаясь на любые эксперименты, способные не то что излечить – хотя бы отдалить неизбежное. – Вы – новая медсестра?

– Нет, я – ваш лечащий врач, – нисколько не обижаясь, ответила Лиля, понимая, что ее рост и внешность делают предположение о принадлежности к среднему медперсоналу наиболее вероятным.

– Ой, извините, доктор! – изумленно воскликнула Елена, отворачиваясь от столика и внимательно изучая вновь прибывшую. – Просто вы такая… молоденькая!

А сколько же лет ей самой? Голова повязана платком, так как на ней отсутствуют волосы вследствие сеансов химии, кожа туго натянута на худом лице, и через нее просвечивают тонкие синеватые вены. Глаза ясные, широко открытые, но тонкая сеточка морщин вокруг век и рта говорит о том, что женщина немолода. «Или о том, что она очень больна», – подумала Лиля, стараясь не слишком пялиться на пациентку и, возможно, от этого выглядя более счастливой и менее натуральной, чем хотела бы.

– Оль, – обратилась Елена к соседке, по-прежнему не подающей признаков жизни, – как нам повезло-то – молодая, хорошенькая врач…Ты хоть посмотри на нее, что ли, а, Оль?

– Зачем? – тихо и равнодушно отозвалась девушка. – Какая разница?

– Что значит, какая разница?! – возмутилась Елена. – Кончай хандрить, слышишь? И глазом не успеешь моргнуть, как вырежут из тебя эту гадость, и пойдешь домой как новенькая!

– Как новенькая?! – взвизгнула Ольга, резко разворачиваясь и садясь на кровати, сверкая глазами, полными невыплаканных слез. – Это после такого диагноза?! Да мы же умираем здесь, разве вы не понимаете? Мы – смертники!

– Погодите-погодите! – прервала девушку Лиля, боясь, как бы та не наговорила лишнего. – Кто сказал, что вы умираете?

– Вот именно! – подхватила Елена, обрадовавшись неожиданной подмоге. – Умирают, милая моя, в хосписе, а мы с тобой в больнице, в самой лучшей клинике в городе, – так где нам еще помогут, как не здесь?

– Никто нам не поможет! – упрямо проговорила Ольга. Однако она больше не делала попыток отрешиться от мира, и это вселяло некоторый оптимизм. – Я перелопатила горы литературы… Господи, да что толку тешить себя ложными надеждами?!

Выражение лица Елены, до этого момента мягкое и терпеливое, внезапно изменилось и посуровело.

– Ложными надеждами? – очень тихим, дрожащим от напряжения голосом произнесла она, вперив ледяной взгляд в молодую подругу по несчастью. – Ложными?! А у меня, знаешь ли, нет выхода, как у некоторых! Кто на твоей шее висит, а? Мама-папа и старший брат, и все они души в тебе не чают, так? А я, дорогуша, мать-одиночка с двумя детьми, ни бабушек, ни дедушек – вообще никого на белом свете, понятно? Что мои дети станут делать, если я откинусь, кто их будет кормить-поить, одевать и воспитывать?!

Не ожидавшая столь гневной тирады от обычно уравновешенной соседки по палате, Ольга притихла. На ее симпатичной мордашке появилось виноватое выражение, и она сказала:

– Простите, я не хотела…

– Да чего уж там! – махнула рукой Елена, мгновенно обретя былую жизнерадостность. – Держи хвост пистолетом и смотри на меня: жива же, и ты будешь в порядке после операции, можешь мне поверить!

Лиля подумала, что в отношении Ольги этот прогноз можно считать более или менее верным, чего не скажешь о самой Елене. И как только у этой женщины хватает сил не только на себя, но и на заботу и подбадривание другого, более слабого духом человека? С этого момента беседа начала складываться, и Лиля решила, что все не так плохо, как казалось вначале. Елене предстоял очередной

курс химии, а у Ольги на носу операция, о которой как раз и следовало поговорить.

– Послушайте, Оля, – начала она, увидев, что девушка, пришла в адекватное состояние, – вы вовсе не умираете! Менингиома – это гистологически доброкачественная внутричерепная опухоль. Ваш случай – не самый обычный, так как пик заболеваемости обычно приходится на период от тридцати до пятидесяти лет, а вы еще очень молоды. Однако именно это и дает нам определенные преимущества, так как ваш организм достаточно силен, чтобы легко перенести операцию. Менингиома – это хорошо отграниченная, медленно растущая опухоль, которая проникает в твердую мозговую оболочку, но обычно не прорастает в мозг. Так что менингиому в отличие от многих других опухолей часто удается удалить полностью, и прогноз, как правило, благоприятный.

Лиля старалась говорить и выглядеть уверенно, но ее голос все равно слегка подрагивал, и она спрашивала себя, замечает ли это дрожание Ольга. В любом случае пациентка внимательно прислушивалась к ее словам. Больше всего на свете Лиле хотелось самой оперировать. Она понимала, что потребуется много учиться, и даже этого будет недостаточно, потому что она – женщина. При упоминании слова «сексизм» высокое начальство предпочитает делать недоуменное лицо и уверять, что ничего подобного в медицине не существует. В реальности же ситуация в этой отрасли обстоит ничуть не лучше, чем в большинстве остальных, если не сказать – хуже. И дело тут не только в престиже. Оперирующий хирург, получает больше денег, чем любой другой врач, поэтому женщине очень трудно прорваться сквозь плотный и мощный заслон, выстроенный мужчинами со скальпелями. Тем не менее Лиля сдаваться не собиралась. Вот наберется опыта, переведется на отделение лечения рака груди, а там уже попробует добиться того, о чем мечтает: в двадцать с небольшим лет кажется, что любые горы по плечу.

– А я читала, – заговорила Ольга, – что, хоть опухоль и доброкачественная, рецидивы все равно случаются.

– Ну, действительно, вероятность рецидива варьируется в зависимости от локализации опухоли и возможности ее полного удаления. Резецировать менингиому в пределах внешне здоровых тканей удается примерно в шестидесяти процентах случаев. Некоторые менингиомы удается удалить полностью – у вас как раз такая, в области крыльев клиновидной кости.

– То есть мне повезло?

– Верно, потому что, к примеру, менингиомы основания черепа, как правило, не поддаются полному удалению. Вероятность рецидива в вашей ситуации равна примерно десяти процентам. Срок от операции до выявления рецидива составляет в среднем пять лет, и во многих случаях повторная операция, даже если ее и не избежать, оказывается успешной.

Большего Ольге знать не полагалось. В таком случае, как опухоль мозга, долгосрочные прогнозы – занятие неблагодарное. Самым главным для онкологического пациента на данный момент является даже не полное исцеление, а продление жизни в надежде на то, что через некоторое время изобретут более успешное лечение, и основная задача больного – дожить до этого момента. Правда, Ольге, скорее всего, даже размышлять над этим не придется: если операция пройдет успешно, девушка вскоре забудет о диагнозе, вернувшись к нормальной жизни и всему тому, чем положено заниматься в ее возрасте: парням, учебе и так далее.

Возвращаясь из палаты в ординаторскую примерно в районе часа дня, Лиля раздумывала над тем, поесть ей в столовой или все-таки выйти на улицу и купить пару пирожков с капустой в универсаме напротив. Кофе или чаю можно выпить и в буфете, и тогда выйдет намного дешевле. Проходя мимо кабинета Никодима, девушка невольно притормозила, услышав приглушенные голоса. Дверь оказалась слегка приоткрыта, да и разговор шел на повышенных тонах, поэтому Лиля не смогла удержаться от того, чтобы не подслушать.

– Думаешь, я этого не понимаю? – раздраженно говорил кому-то заведующий отделением. – У наших «клиентов» прогнозы неутешительные, но это ведь не означает, что мы не должны их лечить?

– А я, значит, их не лечу?

Голос показался Лиле знакомым.

– Никто тебя не обвиняет…

– Не обвиняет? А это, вот это – что за писулька?! – Последовал удар по столу: очевидно, собеседник Никодима «пригвоздил» к нему какой-то документ. – Этот

мужик фактически обвиняет меня в том, что я убил его жену!

– Не кипятись, не все так плохо…

– То есть может быть еще хуже?!

– Не волнуйся, мы тебя прикроем…

– Прикроете? Да я не нуждаюсь ни в каком прикрытии, черт подери – пусть этот парень о своем позаботится! Если бы не я, пардон, его жена умерла бы еще год назад!

– Уймись, Кай!

Так вот кто в кабинете…

– Сколько раз я звонил Маргарите и приглашал снова лечь на обследование – это, между прочим, вовсе не входит в мою задачу!

– Она сама отказывалась? – поинтересовался Никодим.

– Нет, она не отказывалась и обещала появиться – и не появлялась. У меня не одна пациентка, и я не могу постоянно уговаривать их всех, убеждать, умасливать… Может, им еще денег предложить?

– Кай, погоди, я ведь не знал, как обстоит дело – все со слов этого Вакуленко…

Неожиданно дверь распахнулась, и Лиля едва успела спрятаться в простенок. Кан Кай Хо вылетел из кабинета как ошпаренный и быстрым, размашистым шагом ринулся по коридору в сторону лифтовой площадки. Он не заметил девушку, но вот Никодим Иванович, выскочивший вслед за хирургом, сразу же выцепил ее взглядом. Лиля вжалась в стену и зажмурилась, словно таким образом могла стать невидимой.

– Знаешь, это большая ошибка: то, что ты не видишь врага, вовсе не означает, что и он ослеп.

Несмотря на покрасневшее лицо и вздувшиеся вены на шее, в тоне голоса заведующего не звучало раздражения.

– Простите, Никодим Иванович… – пробормотала Лиля, отрываясь наконец от стенки и вставая перед мужчиной, боясь посмотреть ему в глаза. – Я случайно…

– А ну-ка, зайди, – сказал он, открывая дверь пошире. Лиле ничего не оставалось, кроме как повиноваться.

– Садись, – приказал Никодим. – Что именно ты слышала?

– Кто-то написал жалобу на вашего хирурга, да?

Испустив тяжелый вздох, заведующий уселся на краешек стола напротив съежившейся на диване Лили.

– Надеюсь, ты понимаешь, что этот разговор должен остаться между нами? – спросил он. Вопрос не требовал ответа, поэтому он тут же продолжил: – Кай – отличный врач, хирург от бога; кроме того, его специализация онколога-нейрохирурга делает его очень востребованным именно на нашем отделении. Короче, Кай – чрезвычайно ценный специалист. Со своими «тараканами», конечно, но кто сейчас без них, а?

Лиля сделала большие глаза. Заведующий принял это за согласие с его предположением и продолжил:

– Я не хочу давить на Кая, но не среагировать на кляузу просто не имею права, понимаешь? Этот, Вакуленко, муж покойной пациентки, грозится отправиться прямиком в Комиссию по этике. Ты знаешь, что это такое?

Лиля слышала о новом «пугале» для всего медперсонала. Недавно учрежденная при Комитете по здравоохранению комиссия была призвана разбирать тяжелые случаи отношений врач – пациент, когда их невозможно урегулировать на местном уровне. Больше она ничего не знала. Вновь не дожидаясь ее ответа, Никодим пояснил:

– Это – гестапо, в котором сгноили немало хороших людей! Разумеется, контроль необходим и у нас, но, когда за дело берется Комиссия по этике, врачу, как правило, не спастись. Помнишь, в сталинские времена писали о «деле врачей»? Так вот, сейчас происходит примерно то же самое, только территория охвата гораздо шире. Знаешь, чего мне стоило затащить Кая сюда? Даже рассказывать не стану – об этом можно книгу написать! Он – настоящий трудоголик, у него нет семьи, нет никакой личной жизни, потому что он все время проводит в больницах, практически не появляясь дома, а теперь ему грозит разбирательство!

– Может, все обойдется? – растерянно проговорила Лиля, удивленная внезапным приступом откровенности Никодима, ведь это бабушка приходилась ему близкой приятельницей, а не она сама.

– Да уж, будем надеяться, – закивал Никодим. – Потерять такого человека, как Кай, стало бы настоящей трагедией, ведь он работает как по широкому хирургическому профилю, так и по нейрохирургии, у него больше трех тысяч операций… Кай и так уже на последнем издыхании, а тут эта жалоба!

– Я… Извините, Никодим Иванович, но я не совсем поняла, в чем этот… Вакуленко его обвиняет? – решилась задать вопрос Лиля.

– Между нами, да? – снова повторил заведующий, и Лиля кивнула в ответ. – Помимо того, что Кай сам делал резекцию глиобластомы жене Вакуленко, он еще и являлся ее лечащим врачом. Вакуленко перешла за ним сюда, в новое здание, но, судя по документам, явилась на осмотр всего один раз, несколько месяцев тому. Кай назначил ей очередной сеанс химиотерапии. Дело в том, что в случае Вакуленко отмечалось метастазирование, поэтому особых надежд Кай внушить ей не мог, но существуют экспериментальные виды лечения, с которыми он хорошо знаком. Вакуленко предупредили о возможных рисках, и она вроде бы на все согласилась – а что еще остается делать, когда тебе, пардон, два шага до могилы?

– И что, она отказалась ложиться в клинику?

– Кай говорит, что нет, но так и не пришла, хотя он и назначил день госпитализации. А теперь муж грозится обратиться в Комиссию по этике и засудить нас, потому что Вакуленко умерла!

– За что засудить-то? – удивилась Лиля.

– За «ненадлежащее исполнение врачебного долга», если быть точным – так, во всяком случае, Вакуленко написал в своей кляузе.

– Не понимаю…

– Вот и я не понимаю, – вздохнул Никодим, потирая лоснящийся голый череп. – Кай утверждает, что Вакуленко не появлялась уже давно, а вот ее муженек говорит, что Кай отказался иметь с ней дело и отправил домой умирать!

– Не может быть!

– Мне тоже так кажется – это на Кая не похоже. Вакуленко, по словам мужа, рассказывала ему о том, что лечится амбулаторно, но лечение видимых результатов не давало, поэтому она вызвала Кая на откровенный разговор, в результате которого он и послал ее, как говорится… В общем, теперь уже не узнаешь, как дело было, но надо срочно что-нибудь предпринимать, иначе комиссия возьмется за Кая всерьез, а их ведь хлебом не корми – дай загубить человека! Ладно, ты иди, куда шла, доктор Лиля, но не забудь…

– Только между нами!

– Хорошая девочка!

Во второй половине дня Лиля находилась в ординаторской, пытаясь разобраться в многочисленных назначениях Елены Проскуряковой – Никодим лично попросил девушку этим заняться, так как сам укатил на совещание в комитет. Лиле хотелось что-то сделать для Елены, хотя в глубине души она и понимала, что женщине вряд ли удастся помочь. Она успела показать новому доктору фотографии детей – очаровательных близнецов одиннадцати лет. Елена все спрашивала, что изменилось бы, обнаружься опухоль на более ранней стадии. Лиля сказала ей правду: возможно, ее дело тогда вселяло бы больше надежд. Однако зная, что развитие опухоли такого рода на первых порах протекает бессимптомно, Лиля сознавала, что «прихватить» ее вовремя, пока не началось метастазирование, практически нереально – разве что при рутинном осмотре, если какому-то врачу вдруг вздумалось бы ни с того ни с сего сделать Елене хотя бы КТ головного мозга!

Размышляя над этой невеселой ситуацией, Лиля услышала тихий стук в дверь.

– Войдите! – крикнула она, и в проеме показалась худенькая женщина лет сорока. Лиля уже видела ее раньше – она лежала в соседней палате с Еленой и Ольгой.

– Здравствуйте, – неуверенно проговорила пациентка. – А Павел Евгеньевич…

Ее палату курировал Павел Дмитриев, но его на месте не было, о чем Лиля и проинформировала женщину. Видя, что та не торопится уходить, переминаясь с ноги на ногу и явно желая сказать что-то еще, Лиля пригласила больную присесть и поинтересовалась:

– У вас какая-то проблема? Может, я смогу помочь?

– Это… было бы здорово, – пробормотала женщина. – Видите ли, я лежу в палате с Ларисой… Ларисой Мартыненко, и ей колют обезболивающие…

– Какие?

– Не знаю, честно говоря, но они… Понимаете, похоже, они ей не помогают!

– А с чего вы так решили?

– Да кричит она – просто воем воет!

Лиля удивленно потерла подбородок.

– Ну, знаете, не видя назначения врача, я не могу сказать ничего определенного – Павел Евгеньевич ведь знает, что делает!

– Наверное, вы правы… Я тогда пойду, да?

– Погодите!

Лиля решительно встала.

– Я сейчас пойду и поищу Павла Евгеньевича. Если не найду, тогда я зайду к вам и посмотрю, что можно сделать, идет?

Лицо пациентки заметно просветлело.

– Спасибо, доктор! – сказала она. – Большое вам спасибо!

Лиля обежала все отделение, но так и не нашла Дмитриева. Ничего не оставалось, как вернуться в палату, из которой заходила пациентка. В самом ее конце, у окна, скорчившись, лежала пожилая женщина. Судя по тому, что она тихо постанывала, именно ее имела в виду просительница.

– Здравствуйте, – сказала Лиля, подходя. – Это у вас сильный болевой синдром?

– У нее, у нее, – закивала ближайшая соседка, скорчив недовольную гримасу. – Просто невозможно здесь находиться! Я уж и по коридору гуляла, и на улицу выходила, а она все стонет и стонет…

Лиля попыталась взять больную за руку, чтобы проверить пульс, но женщина свернулась в тугой калач, просунув руки между коленей и сжав кулаки с такой силой, что костяшки пальцев побелели. Не нужно было уметь читать мысли, чтобы понять – она находится в ужасном состоянии! Лиля не представляла, что делать. Никодим отсутствует, лечащий врач где-то шляется, а пациентка тем временем умирает от боли. К счастью, на посту в данный момент находилась Рыба.

– Нельзя вмешиваться! – авторитетно заявила она, когда Лиля объяснила ей ситуацию. – Ты не представляешь, как болезненно местный народ реагирует на такие штуки. Кроме того, ты – просто ординатор, и права голоса не имеешь!

– Могу я хотя бы посмотреть назначения для этой больной?

– Павел меня грохнет! Ну да ладно – гляди, только быстро, и не рассказывай ему, что это я тебе показала!

Лиля взяла в руки большую общую тетрадь, в которой сестры записывали рекомендации врачей. На самом деле, данные полагалось вводить в компьютер, но, как в первый же день объяснил Никодим, «обновленная» программа, на которую в принудительном порядке перевели всю больницу, постоянно «висла» и давала сбои, поэтому гораздо сподручнее оказалось использовать старый добрый бумажный способ.

– Ей дали трамадол… шесть часов назад?

– Ну да, раз так написано, значит, дали, – пожала плечами Рыба. – А что?

– Действие должно было продлиться до двенадцати часов, а пациентка уже как минимум два часа чуть на стенку не лезет!

– Может, уже не действует? – предположила озадаченная медсестра. – Нужно что-то посильнее?

– Очень странно… Она после операции?

– Да нет…

– И что делать?

– Лично я предлагаю дождаться Павла – в конце концов, эта тетка – его пациентка.

– Но ей же больно!

– Надо же, жалостливая какая выискалась! – уперев руки в тощие бока, воскликнула Рыба. – Если бы Никодим не уехал, можно было бы обратиться к нему, а так… В общем, не лезь ты, куда не просят, а то геморроя потом не оберешься!

Но Лиля уже не могла успокоиться: мысль о том, что пациентка испытывает жесточайшую боль, лишала ее покоя. Она вспомнила последние месяцы маминой болезни. Бабушка старалась делать дочери инъекции морфина так, чтобы Лиля этого не видела. Когда она возвращалась из института, мать обычно мирно

спала или находилась в полудреме. На ее лице блуждала счастливая улыбка – спасибо, у бабушки имелись свои способы добычи опиатов через многочисленных бывших коллег. Иначе пришлось бы устраивать маму в хоспис, потому что многие пациенты, не получающие вовремя свою «дозу», теряют сознание от боли или находятся на грани самоубийства.

Пока Лиля размышляла над тем, что же предпринять, из-за угла вывернул не кто иной, как Кан Кай Хо.

– Кай! – крикнула она и тут же покраснела, сообразив, что называет врача по имени, на что вряд ли имеет право в отличие от Никодима, но ведь отчества у него нет, так как же, простите пожалуйста, ей к нему обращаться?

Мужчина с удивлением посмотрел в сторону Лили. Казалось, он не сознавал ее присутствия, а осознав, был потрясен тем, что столь мелкая личность посмела оторвать его от собственных мыслей.

– Это ты мне? – спросил он.

– Я…

– Не смей! – прошипела Рыба, мило улыбаясь приближающемуся хирургу.

– Ну? – потребовал он, возвышаясь над Лилей на добрых сорок сантиметров. Ей пришлось задрать голову, чтобы смотреть врачу прямо в глаза.

Запинаясь, девушка, несмотря на предостерегающие знаки со стороны медсестры, делающей большие глаза, рассказала Кану Каю Хо, в чем дело. Он слушал ее, поджав губы и сузив и без того узкие глаза, и, когда она закончила, спросил:

– И чего ты хочешь от меня?

– Разве… никак нельзя помочь?

– Послушай, как тебя…

– Лиля.

– Послушай, Лиля, тут написано: трамадол в девять тридцать. Не можем же мы просто так вкатить этой больной еще одну дозу – а если она загнется?!

– А если она загнется от боли?

Хирург вздохнул, закатив глаза, осмотрелся по сторонам, словно собирался совершить нечто противозаконное и прикидывал последствия, и сказал:

– Ладно, давай-ка я сам ее посмотрю.

Семеня позади Кана Кая Хо и едва за ним поспевая, Лиля обернулась и увидела, что Рыба стоит у поста, вытянувшись в струнку, выпучив глаза и слегка приоткрыв рот. Впервые она поняла, что кличка прицепилась к девушке не только из-за фамилии – уж больно сильно медсестра смахивала на выброшенную на песок рыбу, тщетно пытающуюся втянуть в легкие немного кислорода.

Осмотр пациентки много времени не занял.

– Странно, – пробормотал Кай, потирая подбородок. – Чертовски странно… Ладно, вот что мы сделаем: два миллиграмма бетаметазона внутривенно – чтобы купировать боль. Потом, когда вернется Дмитриев, он решит, что делать – снижать дозу и переходить на таблетки или продолжать то, что и раньше.

– Но почему трамадол действовал такое короткое время? – недоумевала Лиля. – Она ведь уже давно мучается, а прошло всего…

– Не могу объяснить – не знаю, – покачал головой хирург. – Может, дело в привыкании?

Опиаты быстро убирают болевой синдром, но так же быстро развивается резистентность: уже через две-три недели первоначальная доза оказывается недостаточной… Анальгезирующий эффект соответственно укорачивается.

– Но пациентка поступила всего шесть дней назад – о каком «укорачивании» действия может идти речь? – возразила Лиля.

Кан Кай Хо посмотрел на нее, впервые – внимательно, словно изучая, как муху под микроскопом.

– Не пойму я, чего ты от меня-то хочешь? – спросил он.

Лиля понимала, что только что заставила его перейти черту и, возможно, испортить отношения с коллегой.

– Ничего, просто я…

– Давай оставим это Дмитриеву, хорошо? Это – его пациентка, и ты сделала все, что могла: сейчас ей поставят укол, и она улетит в рай на несколько часов. Довольна? Ну, давай, дуй к Ры… короче, к Оксане и передай ей, что я сказал.

– Дмитриев узнает, да? – тихо спросила Лиля.

– Ты же понимаешь, что ему нельзя не говорить – вдруг он решит забабахать ей еще трамадола часиков через пять?

Конечно же, Лиля это понимала: отсутствие информации могло привести к передозировке препарата.

– Я на склад не пойду! – ощерилась Рыба, узнав о назначении Кана Кая Хо. – Ты не представляешь, что за мордоворот там работает – у него снега зимой не допросишься!

– А зачем на склад-то? Разве у Никодима в сейфе нет…

– Ты что, там же всего запасу от трех до пяти дней – так по инструкции положено! Каждый миллиграмм или миллилитр подсчитывается в конце недели… Так что придется тебе идти на склад самой. Мужика, что там работает, зовут Вадимом, но он любит, когда его называют по имени-отчеству, иначе он и разговаривать не станет. «Вадим Леонидович» к нему обращайся, улыбайся и приседай, а то ничего не получишь! Сестер он вообще не замечает, но ты ведь ординатор, поэтому, может, и прокатит. Ну, удачи тебе, подруга!

* * *

Ноги у Лили гудели к концу рабочего дня, голова шла кругом – и от визита на склад, который едва не закончился провалом, и от информации, которую передала ей Рыба ближе к вечеру. Оказывается, Дмитриев все же появился (через два часа после того, как Лиля и Кан Кай Хо его разыскивали) и учинил невероятный скандал по поводу того, что на его пациентку, видите ли, «покусился» другой врач. Так как ни Никодима, ни Кана Кая Хо в больнице не было, весь ушат грязи, заготовленный для корейца, вылился на Оксану и – между прочим – саму несчастную пациентку, которая «своими стонами взбудоражила все население больницы», поставив под сомнение его, Дмитриева, авторитет! В глубине души Лиля порадовалась тому, что не присутствовала при разборке, с тоской осознавая, что завтра наверняка «обиженный» врач вновь поднимет вопрос, и уж тогда ей не избежать открытого столкновения.

Поэтому, когда зазвонил мобильник, Лиля ответила с неохотой, полагая, что это бабушка. Она обязательно поинтересуется, как дела и почему Лиля не звонит, и тогда придется рассказывать обо всем, что произошло, а ей этого совершенно не хотелось. Но, к ее удивлению, это оказалась вовсе не Екатерина Матвеевна.

– Привет, красотка!

Так начинал разговор только один человек, и настроение Лили мгновенно поднялось, потому что голос в трубке принадлежал Максиму Рощину.

– Привет! – ответила она, но мужчина тут же уловил в ее тоне несвойственные девушке интонации.

– Ты в порядке? – встревоженно спросил он.

– Я? Конечно, в порядке… Что-то случилось?

– Случилось? Ну, дорогуша, ты же все нас с Кирюшей «завтраками» кормишь, поэтому мы решили, что надо поставить тебя перед фактом: сегодня к семи часам мы ожидаем тебя на новоселье!

– Уже?!

– Что значит – уже? Мы месяц как ремонт закончили, а ты все глаз не кажешь! Отговорки и извинения не принимаются – ровно в семь, форма одежды… А, черт с ней, форма одежды – любая, только не забудь притащить свой тощий маленький зад.

Полчаса спустя Лиля выходила из метро «Площадь Восстания», но, вместо того чтобы, как обычно, отправиться домой, она прошла дальше по улице, в самый ее конец. Когда-то улица Восстания представляла собой унылое место, по обе стороны которого выстроились в ряд темные, потрепанные старые дома, давно нуждавшиеся в капитальном ремонте, со старыми рамами, грозящими выпасть прямо на головы проходящих мимо пешеходов, вонючими подъездами и загаженными лестницами. После девяти вечера жильцы окрестных домов и их гости вынуждены были чуть ли не на ощупь пробираться в нужном направлении, рискуя попасть в открытый люк или свернуть себе шею в выбоине на асфальте. Теперь же местность заметно преобразилась. Свежевыкрашенные фасады домов приглашали прохожих в небольшие магазинчики и кафе, и все вокруг освещали фонари – наверное, именно об этом мечтал Ленин, говоря об «электрификации всей страны»! Не знаю, как во «всей остальной стране», думала Лиля, с удовольствием топая по хорошо освещенной улице, но, по крайней мере, здесь с электрификацией полный порядок – наконец-то!

Она и не подумала сказать бабушке правду о том, куда собирается после работы, – Екатерина Матвеевна не одобрила бы этого. Лиля соврала, что идет погулять с новой приятельницей из больницы и придет поздно. Нельзя сказать, что такое объяснение полностью удовлетворило бдительную бабулю, однако она не стала возражать, понимая, что внучка – уже большая девочка, а потому не имеет смысла что-то ей запрещать. Так почему же Лиля не сказала правду?

Максим Рощин являлся ведущим солистом Театра музыкальной комедии Санкт-Петербурга, а также в последнее время успешно снимался в сериалах. Примерно год назад на него, помимо популярности чисто театральной, в которой Максим купался всегда, обрушилась еще и киношная – после того, как одному умному и, как выяснилось, дальновидному режиссеру пришло в голову возродить старый музыкальный фильм «Сильва». Проект стоил уйму денег, но самой главной его «фишкой», по требованию режиссера, стало то, что все актеры должны петь ариетты самостоятельно! Это, конечно, не Вагнер, но все же для исполнения такого репертуара недостаточно уметь элементарно воспроизводить цыганочку, поэтому, когда встал вопрос о подборе артистов, имя Рощина всплыло как-то само собой. Режиссеру требовались новые лица – Макс был молод и чертовски

хорош собой. Кроме того, он играл Бонни в театре на протяжении семи лет и каждый раз собирал аншлаги и все без исключения букеты от зрителей, хотя его персонаж не был главным. Только на этот раз решили, что Рощин получит роль Эдвина. Так, совершенно неожиданно, Макс Рощин превратился из местечковой звезды в звезду российского масштаба. Это накладывало определенный отпечаток на весь стиль его жизни, а также на тот факт, что его благосостояние заметно возросло. Правда, деньги никогда его особенно не волновали, так как вот уже пять лет он сожительствовал с Кириллом Авериным, биржевой «акулой бизнеса», ежегодно приносящей своей фирме, одной из ведущих на рынке, сотни миллионов долларов. Все это время пара проживала в спальном районе, но в прошлом году парни решили перебраться в более престижное место, тем более что Максу было бы гораздо удобнее добираться до работы пешком. Выбор не случайно пал на улицу Восстания, ведь именно Лиля посоветовала ребятам обратиться в контору, занимающуюся продажей жилья в доме, который ей всегда нравился. Он являлся памятником архитектуры, поэтому и к его капитальному ремонту отношение было соответствующим. Теперь, когда коммуникации заменили, переделав все от подвала до чердака, Кирилл и Максим заняли пентхаус на шестом этаже, переоборудованный из многонаселенной коммуналки. Образ жизни приятелей внучки, и в особенности их нетрадиционная сексуальная ориентация не могли не вызывать у Екатерины Матвеевны отторжения, поэтому Лиля и решила, что бабуле вовсе не обязательно знать, куда именно она направилась. Знакомство Лили и необычной парочки состоялось несколько лет назад. Она тогда училась на третьем курсе и проходила клиническую практику в одной из питерских больниц. Разумеется, как любого другого практиканта, ее гоняли все кому не лень – от нянечек до ординаторов, которые радовались возможности покомандовать хоть кем-то, стоящим ниже всех на служебной лестнице. Макс лежал на отделении после лапароскопии желчного пузыря, и именно Лиля стала его сиделкой, санитаркой, медсестрой и лечащим врачом одновременно. Тогда он еще не обрел ту бешеную популярность, что сейчас, но медсестрички и молоденькие ординаторши изо всех сил пытались обратить на себя внимание этого превосходного образчика мужской красоты. Каково же было их разочарование, когда навестить пациента пришел мужчина! Кирилл ворвался на отделение с огромным букетом хризантем, предназначенным для больного, и своим поведением ошарашил ничего до того момента не подозревающий персонал. Нет, он вел себя прилично, но его поцелуй не оставлял ни малейших сомнений в том, что женской половине хирургии надеяться не на что. Зато с Лилей у парней сразу сложились дружеские отношения. Макс отличался мягким, покладистым характером, а Кирилл, напротив, был жестким и сдержанным, но и у одного, и у другого отсутствовали какие-либо внешние признаки того, что они геи. Ребята никак не

выпячивали свою ориентацию, не размахивали флагами с надписью «Геи всех стран, объединяйтесь!», и, насколько могла судить Лиля, им бы и в голову не пришло принимать участие в гей-парадах. Можно с уверенностью утверждать, что Кирилл и Максим были даже более нормальными, чем любые другие Лилины знакомые.

В парадной сидел консьерж – мужчина лет пятидесяти. Лифта в доме не подразумевалось, но в пентхаус вела чистая лестница с витыми чугунными перилами. Выкрашенные в бледно-желтый цвет стены украшали репродукции картин известных мастеров, а со специально прибитых балок свисали кашпо с цветами. Лиля подумала, что на этой лестнице можно вполне прилично жить, если смириться с отсутствием телевизора и кухни!

Дверь открыл Макс, облаченный в джинсы и черную водолазку, подчеркивающую его в меру мускулистый торс. Светлые глаза, темные вьющиеся волосы и потрясающая обезоруживающая улыбка во все тридцать два белоснежных зуба – вот так примерно он и сводил с ума тысячи женщин, как знающих о его сексуальных предпочтениях, так и ничего о них не подозревающих. Под ноги Лиле с радостным визгом бросилось нечто маленькое, мягкое и круглое.

– Что это? – взвизгнула она, не сразу осознав, что неизвестное существо – всего лишь щенок.

– Наш сынок, – усмехнулся Макс, сгребая с пола повизгивающего песика. – Французский бульдог Пимс – прошу любить и жаловать.

– Пимс?

– На самом деле у него длинное и трудно произносимое имя из пяти или шести слов, но мы с Киром предпочитаем краткость.

– Значит, Кирилл все-таки разрешил тебе завести собаку? Мне казалось, он их терпеть не может…

– Да разве ж это собака? – пожал плечами Макс. – Вот овчарка – это собака, бультерьер, колли, боксер – тоже собаки… А Пимс – просто домашний любимец, понимаешь? Ну да ладно, – спуская щенка на пол и заключая девушку в крепкие

объятия, сказал он. – Мы уж думали, что ты придешь, только если один из нас снова заболеет, – стыдно, подруга, ведь живем-то мы в десяти минутах ходьбы от дверей до дверей!

– Ну прости меня, прости! – смеясь и шутливо борясь с Максом, отозвалась Лиля. Пимс все это время продолжал крутиться под ногами и восторженно визжать – видимо, как и его хозяева, песик обожал гостей. – Где Кирюшка?

– Все еще в своем дурацком офисе: честное слово, я даже после спектакля возвращаюсь раньше него! Но это нисколько не помешает нам отлично провести время, а он пусть потом локти кусает.

– Тогда показывай свои владения!

– О’кей. Сам не верю – двести сорок квадратных метров счастья!

О таких просторах девушка даже не мечтала. Их с бабушкой комнатка с трудом вмещала старинный стол. Екатерина Матвеевна любила шутить, что в былые времена мебель делали для больших помещений, даже не представляя, что людей можно запихнуть в двадцатиметровые клетушки.

В квартире Макса и Кирилла имелось четыре просторных жилых помещения и тридцатиметровая кухня-столовая. Практически всю гостиную занимал колоссальных размеров итальянский диван, а на стене висел большой телевизор. Пальмы в плетеных кадках и два винтажных торшера в углах придавали комнате атмосферу уюта. В спальне стояла только овальная кровать «олимпийских» размеров, с покрывалом из искусственного меха леопардовой расцветки, две тумбочки и парочка пуфов. Освещали помещение встроенные светильники на зеркальном потолке. Третья комната являлась целиком вотчиной Макса – Лиля догадалась об этом по белому роялю «Стэйнвей». Едва войдя в «музыкальную» комнату, девушка едва не ослепла от обилия белого цвета повсюду: белый мраморный пол, в котором отражались она, Максим и картины в сюрреалистическом стиле, как нельзя лучше подходящие характеру хозяина. Все вокруг настолько напоминало обстановку концертного зала, что Лиля даже удивилась, не увидев сцены. Последняя комната была кабинетом, оборудованным библиотекой с раздвижными шкафами, письменным столом и двумя наисовременнейшими компьютерами.

– Это – берлога Кира, – слегка наморщив нос, пояснил Макс. – Он отказался от услуг дизайнера и сам тут все обустроил – сама видишь, похоже на кабинет Ленина в Кремле, но ему нравится!

Лиля всегда удивлялась тому, как два таких разных по характеру человека, как Кирилл и Максим, так хорошо уживаются вместе – мало какие из известных ей семейных пар сосуществовали столь гармонично.

– Потрясающая у вас квартира! – с искренним восхищением сказала Лиля, когда они с Максом вернулись обратно в гостиную.

– Хочешь чего-нибудь выпить?

– От вина не откажусь, – кивнула она. – Сумасшедший дом на работе!

– А у кого по-другому? Ты садись, можешь потискать Пимса – он это дело обожает, а я пока все принесу.

Лиля любила собак – всяких, больших и маленьких, породистых и не очень, лишь бы не кусались, поэтому маленький французский бульдожка ей приглянулся. Она мечтала иметь собственное домашнее животное, но в их маленькой комнатке с живущими за стенкой алкашами и мечтать об этом не приходилось. Она прекрасно помнила кота Пуша, который жил у покойной соседки много лет, а потом его отравил один из многочисленных ухажеров Нюрки. В тот самый день Лиля поняла, что не желает подобной участи ни одному живому существу, а потому перестала задумываться над приобретением домашнего любимца.

Пока Лиля, почесывая балдеющего Пимса за длинными растопыренными ушами, сидела на мягком диване, нежно обволакивающем ее усталое маленькое тело, ее мысли постоянно возвращались к назревающему на работе конфликту. Вернувшись с двумя бокалами и бутылкой «Шардоне», Макс внимательно окинул Лилю взглядом и спросил:

– Что-то случилось, да?

Удивительно, насколько чувствительным порой бывал этот человек: казалось, его нервная система настроена улавливать малейшие изменения

эмоционального состояния тех, с кем он находится рядом. Тем не менее Лиля попробовал соврать:

– Случилось? Да с чего ты взял? Все отлично – новая работа, новые знакомства…

– Неприятные знакомства?

– Ну почему же сразу неприятные?

– Да потому, детка, что это у тебя на физиономии написано! Давай-ка, выкладывай, что не так?

Тяжело вздохнув, девушка поняла, что отвертеться не получится, и поведала Максу обо всем, что произошло в клинике.

– М-да, – пробормотал парень, как только она закончила описывать ситуацию. – Вляпалась ты, похоже… Никто не любит, чтобы вмешивались в его дела!

– Понимаешь, я никак не могу взять в толк, почему анальгетик действовал так недолго? У той пациентки в принципе не такая уж и страшная проблема, потому слабый опиоид вроде трамадола должен был хорошо помочь.

– А что этот мужик, как там его… со странным именем?

– Кай-то? Он сделал все, что мог, – ему, скорее всего, и придется расхлебывать кашу, которую я заварила!

– Значит, он хорош, да? – усмехнулся уголком рта Макс.

– В каком смысле? – невинно раскрыла глаза Лиля.

– Ой, да ладно тебе – думаешь, не видно, что этот Кай тебя интересует?

– Все-то тебе видно, надо же! – надулась Лиля и поджала ноги под себя. Пимс, при этом потревоженный, недовольно заворчал и недоуменно поднял мордочку, пытаясь поймать взгляд той, которая так долго делала ему приятное, а теперь

вдруг почему-то прекратила.

– И как он выглядит? – сверкнув глазами, продолжал допрос Максим. – Высокий?

– Ну, высокий…

– Красивый?

– Понятия не имею…

– Значит, красивый! И что, хороший хирург, говоришь?

– Никодим так считает.

– Это зав ваш, что ли? А ему можно верить?

– Думаю, да, иначе он не старался бы так ради того, чтобы Кан Кай Хо не попал под жернова Комиссии по этике.

– Это что еще за зверь такой? – нахмурился Макс, и Лиле, хотя она вовсе не собиралась этого делать, пришлось рассказать ему о проблеме корейца с умершей пациенткой и ее мужем.

– Что тут скажешь? – пожал плечами Макс. – Похоже, ты выбрала не того парня!

– Выбрала?! Да ты о чем вообще…

В этот момент Пимс вдруг навострил свои уши-локаторы и соскочил с дивана.

– А вот, кажется, и Кир, – заметил Макс. – Пора накрывать на стол – если, конечно, он принес еды!

* * *

Вечер, проведенный с друзьями-геями, помог Лиле немного расслабиться. С другой стороны, прозрачные намеки Макса в отношении Кана Кая Хо заставили ее задуматься. Никогда раньше она всерьез не размышляла над такими вещами. Надо было помогать бабушке и больной маме, успевать учиться и подрабатывать в больнице санитаркой, потом устраиваться на работу… Конечно, Лиле нравились некоторые ребята, но беда заключалась в том, что она совершенно не умела себя с ними вести. Бабушка порой упрекала ее в том, что девушка абсолютно не владеет искусством флирта, входящим в «обязательную программу» любой уважающей себя молодой особы. Лиля не ходила на дискотеки, не посещала концертов и других мероприятий, считающихся местами скопления молодых людей, где они могут познакомиться и пообщаться в непринужденной обстановке. Наверное, Лиля была чересчур уж серьезной, а немного легкомыслия, как говаривала мама, лишь украшает девушку. Ни один парень, которого Лиля находила привлекательным, не обращал на нее внимания, хотя гораздо менее привлекательные девицы водили за собой толпы парней, и Лиле оставалось лишь удивляться, как им это удается. Мама утверждала, что дело в ее кажущейся неприступности. Лиля же считала, что просто не интересна противоположному полу, ведь у нее слишком много недостатков: маленький рост, не позволяющий одежде выгодно подчеркнуть фигуру, слишком белая кожа, а также непослушная копна волос и неопределенного цвета глаза – все это «богатство» делало Лилю малозаметной в компании подруг. Бабушка сетовала, что внучка зря не общается с бывшими одноклассницами, ведь именно в их окружении можно найти себе приличную пару, а теперь самыми близкими ее приятелями оказались Макс и Кирилл, а в их окружении она вряд ли могла рассчитывать на обретение кавалера!

Короче говоря, Лиля почти забыла о неприятностях на работе, но они не замедлили напомнить о себе сразу по прибытии.

– Тебя Никодим с собаками разыскивает! – доложила дежурная медсестра. – Рвет и мечет!

В кабинет начальства Лиля шла, как на Голгофу. Она тихонько поскреблась в дверь и вошла. Внутри находились сам хозяин, Павел Дмитриев и Кан Кай Хо.

– Ну наконец-то, явилась! – изрек Никодим, сердито хмуря густые брови и буравя вошедшую тяжелым взглядом. – Что скажешь?

– По поводу?

– Она еще спрашивает! – взревел Павел, подбочениваясь и выпячивая квадратную челюсть. Он всегда казался Лиле похожим на Щелкунчика, и теперь это сходство значительно увеличилось. – Какого черта ты лезешь не в свое дело, дорогуша? У тебя есть свои пациенты, а от чужих – руки прочь!

– Ты понимаешь, что могло произойти? – спросил заведующий у Лили. – Мы здесь имеем дело с наркотическими средствами…

– Но я же предупредила…

– Ладно, она тут ни при чем, – неожиданно вступился за девушку Кай. – Это я сделал назначение, потому что больная испытывала сильный болевой синдром.

– Не могло такого быть! – воскликнул Павел. – Ей всего за несколько часов до этого ввели обезболивающее!

– Но оно не подействовало, и это у тебя надо спросить, почему! – сказал Кай. – Это так ты наблюдаешь свою пациентку?

– Тебе что, больше всех надо, Кан? – рассвирепел Павел. – Ну ладно эта, – он кивнул в сторону Лили, – но ты-то какого черта суешь нос в мои дела? Лучше бы за своими следил, а то, не ровен час, на нарах окажешься!

Лиля сообразила, что Дмитриев имел в виду грозившее скандалом и вмешательством Комиссии по этике дело умершей пациентки Вакуленко. Это был удар ниже пояса, но Кай не успел на него ответить, так как вмешался Никодим.

– Прекратите вести себя как подростки! – рявкнул он. – Взаимными обвинениями мы ничего не добьемся. Если трамадол не оказывает на больную должного воздействия, нужно перевести ее на дегидрокодеин или, скажем, просидол – в зависимости от того, что у нас есть на складе. Допускаю, что придется увеличить дозу или даже вводить омнопон или фентанил, если и эта мера не поможет. Так что, Павел, тебе следует этим заняться незамедлительно. Конечно, Лилии и Каю не следовало вмешиваться, но все ведь произошло именно потому, что ты отсутствовал на отделении. Где тебя носило два часа?! Да за это время твоя подопечная вполне могла отправиться на тот свет!

– Ну, не два часа… – попробовал возразить Дмитриев, тут же растерявший всю свою агрессивность и, видимо, почуявший, что преимущество больше не на его стороне.

– Почти два с половиной! – согласился Никодим. – Так что, ты ответишь?

– Я был… в столовой.

– Черта с два! – сквозь зубы процедил Кай, но слышала его только Лиля, стоявшая ближе всех.

– Видимо, твой процесс пищеварения отличается от наших, – покачал головой заведующий. – Мне, к примеру, достаточно на обед сорока минут!

Павел упрямо опустил глаза в землю, не говоря ни слова.

– Ладно, это уже неважно, – вздохнул Никодим. – Но если я еще раз узнаю, что кого-то из моих врачей или сестер в течение длительного времени нет на отделении, их будут ожидать большие неприятности – вы в курсе, что я слов на ветер не бросаю!

По молчанию врачей Лиля поняла, что, судя по всему, зав не преувеличивает.

– И чтобы больше никаких ссор в песочнице: мы тут не делим кубики и формочки, мы людей пытаемся лечить, и они не должны страдать только потому, что мои врачи никак не могут между собой договориться! Теперь оба – вон отсюда! – приказал он. – А ты, – обратился он к Лиле, – останься.

Внутренне трепеща, Лиля судорожно пыталась придумать себе оправдание, но ничего дельного на ум не приходило.

– Итак, – начал Никодим, когда дверь за спиной Кая и Павла закрылась, – я хочу услышать всю историю от тебя.

Запинаясь, Лиля описала заведующему вчерашнюю ситуацию. Выслушав девушку, Никодим покачал головой.

– Ты должна усвоить здешние правила, – сказал он. – Во-первых, ординаторы никогда не влезают в дела врачей – за это можно по носу получить. Если возникает проблема – сразу ко мне. Вчера я отсутствовал, поэтому прощаю на первый раз. Хорошо, что ты обратилась к Каю, потому что он все правильно сделал, но это одновременно и очень плохо.

– Как это? – не поняла Лиля.

– Видишь ли, между Каем и Павлом существует, как бы это поточнее выразиться, соперничество. Оба они – наши лучшие кадры, примерно одного возраста и с большим опытом, хотя Кай как хирург добился гораздо большего в своей области, и Павлу этот факт не дает покоя. Кай, в свою очередь, терпеть не может Дмитриева. Лично я всегда стараюсь развести их по разным углам и сделать так, чтобы они сталкивались как можно меньше. Естественно, задачка эта не из простых, так как они все же работают на одном отделении. И тебе также следует учитывать специфику отношений в наших рядах: Кай и Павел – как вода и масло, их лучше не смешивать, а то все вокруг забрызгаешь, ясно?

– Ясно…

– Ну вот и молодец, – с облегчением подытожил Никодим. Он в отличие от большинства руководителей терпеть не мог ругать своих подчиненных, и каждая такая стычка давалась ему тяжело. – Теперь иди работай и, бога ради, держись подальше от разборок, ладно?

Лиля и сама разборок не любила, но как, черт подери, узнать, когда и при каких обстоятельствах следует прятаться «в кусты», если на отделении между врачами такие сложные отношения? Интересно, кого еще ненавидит Павел Дмитриев, и с кем «терки» у Кана Кая Хо – наверное, нужно расспросить кого-нибудь поподробнее, чтобы впоследствии не вляпаться снова! Но в одном Лиля был уверена на сто процентов: она поступила правильно, обратившись к корейцу, потому что в результате больная получила помощь. Возможно, Павел теперь пересмотрит и весь порядок лечения и подберет ей другие, более подходящие обезболивающие – разве они все здесь не затем, чтобы, насколько возможно, облегчать жизнь пациентам?

Вместо Рыбы дежурила другая девушка, поэтому Лиля не могла поговорить с медсестрой о том, что произошло, зато во время обеденного перерыва она

заметила одиноко сидящего за столиком Алексея Родникова, с унылым видом жующего капустный салат.

– Привет, – сказала она, подсаживаясь со своим подносом, на котором находилась котлета неправильной формы и подозрительно темного цвета в окружении плохо протертого пюре.

– Я бы на твоем месте здесь мяса не брал, – пробормотал парень, с опаской глядя на котлету, словно она могла, как враг из засады, напасть на него, скакнув прямо с Лилиного подноса. – Хотя, с другой стороны, разве ж это мясо…

– Что это у тебя с настроением? – полюбопытствовала она. – Заболел?

На самом деле, как уже успела понять Лиля, Алексей по натуре являлся неисправимым пессимистом, однако сегодня он был как-то особенно не в духе.

– Это все из-за праздника, – тяжело вздохнул физик, ковыряя вилкой в салате. – Главный велел всем присутствовать – корпоративная солидарность, понимаешь… А кому он вообще нужен, праздник этот?

– Что за праздник?

– Ты что, объявлений не читаешь? В пятницу мы празднуем год со дня открытия Центра – подумаешь, какое событие! В общем, будет какой-то там концерт с приглашенными артистами, а потом банкет. Разумеется, никого приличного не пригласят – на это денег нет, да и банкет, скорее всего… У тебя как с танцами?

– Никак, – честно ответила Лиля. Она ходила на дискотеки всего пару-тройку раз за всю жизнь и, как правило, пока ее подруги плясали с кавалерами, подпирала стенку: ну не выглядела девушка желающей развлекаться, и все тут!

– Вот и у меня – никак, – понимающе кивнул Алексей. – Если бы не распоряжение главного, я бы и не пошел, но он выразился достаточно ясно, а мне неприятности не нужны… А ты, я смотрю, уже врагов себе наживаешь?

Он перевел разговор на другую тему так неожиданно, что Лиля не сразу сообразила, о чем говорит физик.

– Да я про Дмитриева и Кана, – пояснил он в ответ на ее недоуменный взгляд. – Тебе удалось снова вбить между ними клин!

– Да не хотела я ничего вбивать! – обиделась Лиля. – Я только пыталась помочь человеку…

– Понятно, что не хотела. Поговорку слыхала: благими намерениями вымощена дорога в ад?

– Послушай, ну откуда мне было знать, что Павел и Кай не ладят?

– Да и не надо тебе знать – просто не вмешивайся! Не успела приступить к работе, как уже стала причиной скандала…

– А что за кошка пробежала между этими двумя? – решилась задать вопрос Лиля, поняв, что сейчас, возможно, ее единственный шанс все выяснить.

Алексей задумчиво посмотрел на нее, сдвинув очки на кончик носа.

– Это давняя история, – произнес он наконец. – Началась еще в старой клинике… Павел и Кай давно знакомы – учились на одном курсе в Меде. Павел пошел в аспирантуру, а Кай сразу начал практиковать. Дмитриев так и не сумел защититься – не поладил с научным руководителем, и тот его выкинул. Кай за это время поднабрался опыта, поработал в Южной Корее и Израиле, защитился, а потом пришел в больницу к Никодиму, тогда еще не заву. Кай вообще – хирург-онколог широкого профиля, но, так как специализировался он по нейрохирургии, Никодим буквально «вырвал» его с хирургического отделения и перетащил к себе. Павел тогда уже работал, и у них с Каем начались настоящие гонки на выживание: каждый считал себя лучше другого и пытался всячески это доказать. На соперничество смотрели сквозь пальцы, считая, что оно может даже в какой-то степени пойти на пользу. А потом, как говорится, «случилось страшное».

– И что же? – выкатила глаза Лиля, подавшись вперед.

– От Павла сбежал первый пациент.

– Да ты что?

– Ага, представляешь? Он вообще-то хороший врач, но вот с людьми ведет себя… Короче, боятся его пациенты. А Кай, хоть и суров с виду, нянькается с ними, как с малыми детьми, разговоры разговаривает, журнальчики почитывает, имеет кучу знакомых в Институте ядерных исследований. Там есть большой иммунологический отдел, занимающийся нетоксической терапией, и частенько Кай направляет пациентов туда, что затем позволяет делать операции, при которых заведомо не все опухолевые ткани удаляются… Понимаешь, наше отделение – одно из самых тяжелых, и порой здесь главное не вылечить, а просто существование облегчить. А для того, чтобы все-таки вылечить, нужно действительно этого хотеть – и неважно, кто именно поможет пациенту, Кай заинтересован в том, чтобы он получил всю возможную помощь. А Павел… Ты пойми, я ничего плохого о нем не скажу, но он хочет, чтобы больные понимали, что он – их единственная надежда. Он берется за любую операцию, если верит, что сможет победить, и отказывается, если чувствует, что не сумеет. Павел не считает нужным искать другие пути, звонить кому-то и направлять собственного пациента к тому, кто знает и умеет что-то лучше него самого, вот в чем штука.

– Но он же и не обязан, верно? – спросила Лиля.

– Не обязан, – согласился Алексей. – Тут каждый сам для себя решает, как поступать. Кай – мужик тяжелый, особенно для коллег и начальства, но не для больных. Они его обожают из-за подхода под кодовым названием «нет безнадежных пациентов», поэтому, узнав про Кая, так и норовят перескочить к нему, а такого, как ты понимаешь, никто не любит. Хотя на месте Дмитриева я бы не парился, ведь благодаря тому, что «безнадежные» уходят к Кану, у него показатели по выживаемости гораздо лучше! Если, к примеру, полистать наши электронные таблицы, сразу видно, что у Павла пациенты все больше выписываются, а у Кая мрут как мухи – но только после того, как он сделает все возможное, чтобы продлить им жизнь. Он пока никому не отказал, веришь? Еще Дмитриева, несомненно, бесит тот факт, что Кан работает сразу в нескольких местах и везде нарасхват – несмотря на «ударные показатели» Павла, в самых тяжелых случаях вызывают именно Кая!

– Странно, – пробормотала Лиля задумчиво.

– Почему странно? – удивился физик.

– Ты описываешь его совсем по-другому… Кстати, ты в курсе, что на Кая «телегу» накатали?

– А-а, ты про эту Вакуленко? Ну да, все в курсе. У нас такое случается, но до сих пор Комиссия по этике не встревала – все решалось, как говорится, мирным путем. Ну померла пациентка – с кем не бывает? Здесь это сплошь и рядом! Не представляю, чего они к Каю цепляются… Да Никодим его отмажет, ты не волнуйся!

– Да с чего мне волноваться-то? – пожала плечами Лиля.

Алексей склонил голову набок и сощурил глаза.

– Не знаю с чего, только никто до тебя еще не допрашивал меня о Кае с таким пристрастием!

– Это просто потому… Да потому, что я оказалась в эпицентре конфликта, не зная даже, откуда у него ноги растут!

– Ну да, ну да, – недоверчиво пробормотал физик, возвращаясь к своей капусте. – Кстати, с кем на праздник-то пойдешь?

– С кем?

Лиля даже не задумывалась об этом, и теперь вопрос поверг ее в панику: а действительно, с кем она могла бы пойти, учитывая, что пока отношения в коллективе складываются у нее не лучшим образом?

– Я чего спросил-то, – сказал Алесей, не отрывая взгляда от тарелки. – Если тебе не с кем, может, вместе, а?

Лиля вздохнула с облегчением и едва ли не с благодарностью – это решило бы все проблемы! Ну, почти все…

* * *

– Ты чего устроила-то, Лилька?! – воскликнула бабушка, едва войдя в комнату и увидев вывороченный платяной шкаф. Лилина одежда валялась повсюду – на диване, на кровати и даже на полу, а сама она, пыхтя и отдуваясь, стояла посреди неопрятной кучи тряпок с выражением отчаяния на лице.

– Мне нужно платье! – сказала она, оборачиваясь. – У нас праздник…

– У вас?

– В клинике. Год со дня открытия.

– Поня-а-тно, – пробормотала Екатерина Матвеевна. – И что же тебя не устраивает в твоей одежде? Вот, к примеру, это – чем не хорошенький наряд?

Лиля с сомнением посмотрела на голубое платье в горошек, которое бабушка извлекла из нагромождения вещей. Строго говоря, «нагромождение» – не совсем правильное слово, так как у Лили никогда не было избытка одежды, но до сего момента ее особенно и не заботил этот факт. Она практически никуда не ходила, кроме института, а теперь вот работы, поэтому несколько пар джинсов, футболок и распродажных свитеров казались ей вполне удачным гардеробом для молодой девушки. У Лили имелось всего три платья. Одно бабушка собственноручно сшила на выпускной вечер в школе. Оно до сих пор висело в шкафу, и, глядя на этот серый бархатный наряд, Лилия удивлялась тому, что когда-то считала его привлекательным. Она ни за что не сказала бы бабушке о своих теперешних чувствах – слава богу, Екатерина Матвеевна не предложила ей надеть именно это платье! Второе было куплено на третьем курсе университета на деньги, которые Лиля заработала за полгода каторжного труда санитаркой в больнице, однако оно казалось слишком претенциозным, чтобы надевать его на мероприятие на новом месте работы. А то платьишко, что выбрала бабушка, делало Лилю похожей на пятиклассницу.

– Ну да, – пробормотала она сквозь зубы, – еще белый бант на макушку – и чем не Мальвина?

Екатерина Матвеевна с сомнением посмотрела на платье, потом на внучку, потом снова на платье. Наконец она со вздохом положила его поверх остальной одежды и тяжело опустилась на стул, сразу показавшись Лиле постаревшей и усталой.

– Хорошо, – быстро сказала она, хватая «горошек». – Надену это – в конце концов, не на свадьбу же иду?

Но бабушка почему-то не поддержала ее энтузиазма. Вместо этого она посмотрела на девушку долгим, печальным взглядом и тихо сказала:

– Ты же у меня такая хорошенькая, Лилечка, но этого никто не видит, ведь одежда, что бы там ни говорили, здорово красит… И чего мы с тобой такие бедные, а?

Лиля вздрогнула от неожиданности. В их доме никогда не обсуждали бедность. Вернее, обсуждали, но в глобальных масштабах или в связи с тем, что опять поднялись цены на коммунальные услуги и продукты питания. Лиля ни разу не задумалась над тем, что они с бабушкой, по сути, невыносимо бедны, но теперь эта мысль, высказанная вслух, поразила ее своей жестокой правдивостью. Но ведь и в самом деле, если задуматься, они жили не так, как большинство тех, с кем Лилия была знакома. Вот уже много лет комната требовала ремонта, однако все, на что у маленькой семьи хватало денег, так это на покупку дешевых бумажных обоев, чтобы хоть как-то обновить стены и сделать их не такими унылыми – ни о каких пластиковых окнах или новой мебели и речи не шло! Лиля уже и не помнила, когда Екатерина Матвеевна покупала себе обновку – наверное, в последний раз это произошло до ее, Лилиного, рождения, когда мама и дедушка были еще живы.

Пока Лиля, ошарашенная внезапным открытием, стояла у шкафа в обнимку с платьем в горошек, Екатерина Матвеевна поднялась и решительно направилась к буфету. Он тоже был старым, как и почти все в этой комнате, но в отличие от стола не старинным – просто древним и облезлым.

– Ба, ты чего? – встревожилась Лиля.

– Вот, – сказала Екатерина Матвеевна, беря в руки деревянную шкатулку с лубочным изображением праздника Пасхи. Краска кое-где облупилась, но каким-то необъяснимым образом незатейливая картинка по-прежнему выглядела живой и радостной.

У бабушки в руках Лиля увидела толстую золотую цепь с массивным кулоном. Украшение никогда не казалось девушке красивым, но именно оно, вместе с бабушкиным обручальным кольцом и маленькими сережками с натуральным александритом, доставшимися Лиле от мамы, составляло все небольшое состояние семейства.

– Надо спросить у Вартана, сколько это может стоить, – пробормотала Екатерина Матвеевна, вертя кулон в руках. – Может, он сможет его продать? Или сам купит…

– Ба, ну зачем продавать-то?! – воскликнула Лиля испуганно. – Я же сказала, что надену «горошек» – что за беда?

– Нет! – покачала головой бабушка. Она приняла решение, и Лилия по опыту знала, что, сделав это, Екатерина Матвеевна ни за что не отступит. – Ты должна выглядеть не хуже других, а иначе что о тебе новые коллеги подумают?

– Ну, ба, все же работают в одном и том же месте, в самом деле – разве я вращаюсь в кругу миллионеров?

– Нет, не миллионеров, но я уверена, что большинство твоих коллег хорошо одеваются.

Бабушка была права: большинство женского персонала клиники одевались неплохо, да и косметика у них была недешевая, и аксессуары всякие – сумочки, заколки…

– И где они только берут деньги? – недоуменно спросила Лиля то ли у Екатерины Матвеевны, то ли у себя самой, то ли у шкафа, который был наименее вероятным советчиком из всех присутствующих. – Может, у них есть богатые мужья или любовники? Или какой-то дополнительный заработок?

– Или они обирают пациентов?

Тон бабушки звучал скорее саркастично, нежели вопросительно.

– Это не имеет значения: мы, Перовы, всегда жили только на то, что зарабатывали, – тут же продолжила она. – Этот кулон и цепочка не представляют никакой художественной или эстетической ценности, зато они немало весят. Ты все равно не стала бы носить это украшение – только представь себя с такой блямбой на шее!

Лиля взяла кулон в руки. Она помнила, как в детстве, сидя на коленях у матери, играла с блестящей вещицей. Кулон представлял собой дубовый листок из комбинации желтого и белого золота, удивительно тяжелый. Странно, но она ни разу не видела, чтобы мама или бабушка его носили.

– Тебе это дедушка подарил, да? – спросила она.

– Нет, – ответила Екатерина Матвеевна после паузы. – Он всегда принадлежал твоей матери.

Лиля собиралась поинтересоваться, как это маму угораздило приобрести такую безвкусную вещь, но бабушка не хотела продолжать разговор на эту тему и, открыв дверь, вышла в коридор – наверное, все-таки пошла к Вартану. Лиля уже пыталась засунуть одежду обратно в шкаф, как вдруг ее осенила внезапная мысль. Схватив мобильник, она набрала Макса.

* * *

Опасливо взглянув в зеркало в холле, Лиля в очередной раз убедилась в том, что сама на себя не похожа. Макс сделал гораздо больше, чем просто добыл ей наряд из театральной гримерки, и теперь девушка раздумывала над тем, правильно ли поступила, обратившись к приятелю. Шоколадного цвета длинное платье с глубоким декольте облегало ее худенькую фигурку, словно вторая кожа, а кремовые босоножки добавляли добрых шесть-семь сантиметров роста. Макс напряг костюмершу, и она в рекордные сроки перешила платье, сделанное специально для одной из солисток музыкальной комедии известным модельером. Босоножки Лиля купила год назад, потому что они были красивые, но она никогда не умела носить высокий каблук, а потому они благополучно осели где-то в недрах старого платяного шкафа. Макс также отвел Лилю к своему парикмахеру. Вообще-то Илья являлся мужским мастером, но, как уверял приятель, специалист – специалист во всем, и так оно и оказалось. Лиле оставалось лишь недоумевать, каким образом Илье удалось сделать ее обычно

торчащие во все стороны непокорными прядями волосы мягкими и послушными. Теперь они аккуратно обрамляли ее личико в форме сердечка, делая Лилю похожей на девушек времен американской Великой депрессии – нежных и хрупких. Поднимаясь по лестнице к лифтам, Лиля вспомнила строчку из романа Александра Дюма о том, что «шелковый чулок и цветная ленточка не в состоянии превратить уродливую женщину в хорошенькую, но хорошенькую вполне могут сделать красавицей!»

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Святой Пантелеймон – великомученик, целитель. – Прим. авт.

Купить: https://tellnovel.com/gradova_irina/istochnik-vechnoy-zhizni

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити